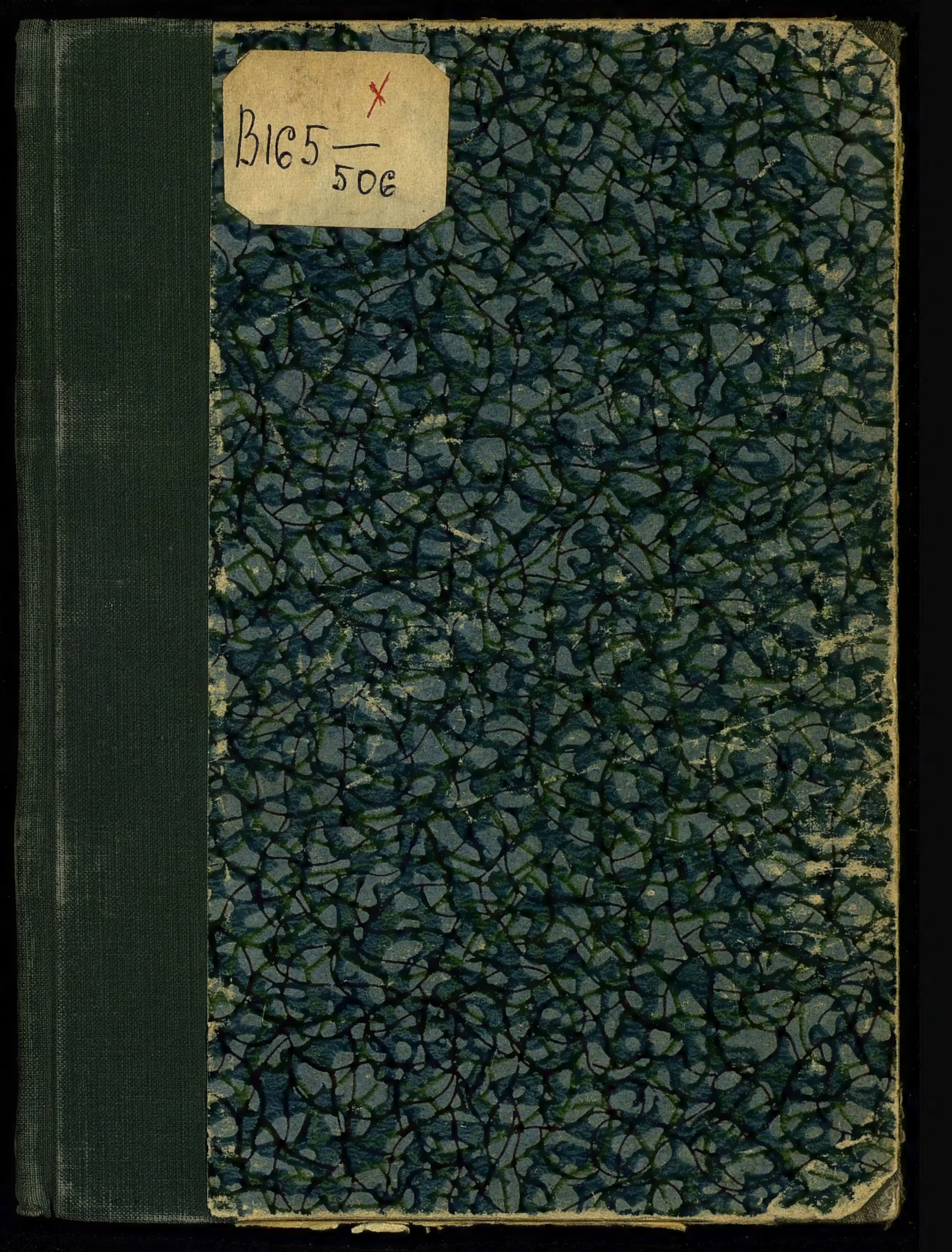
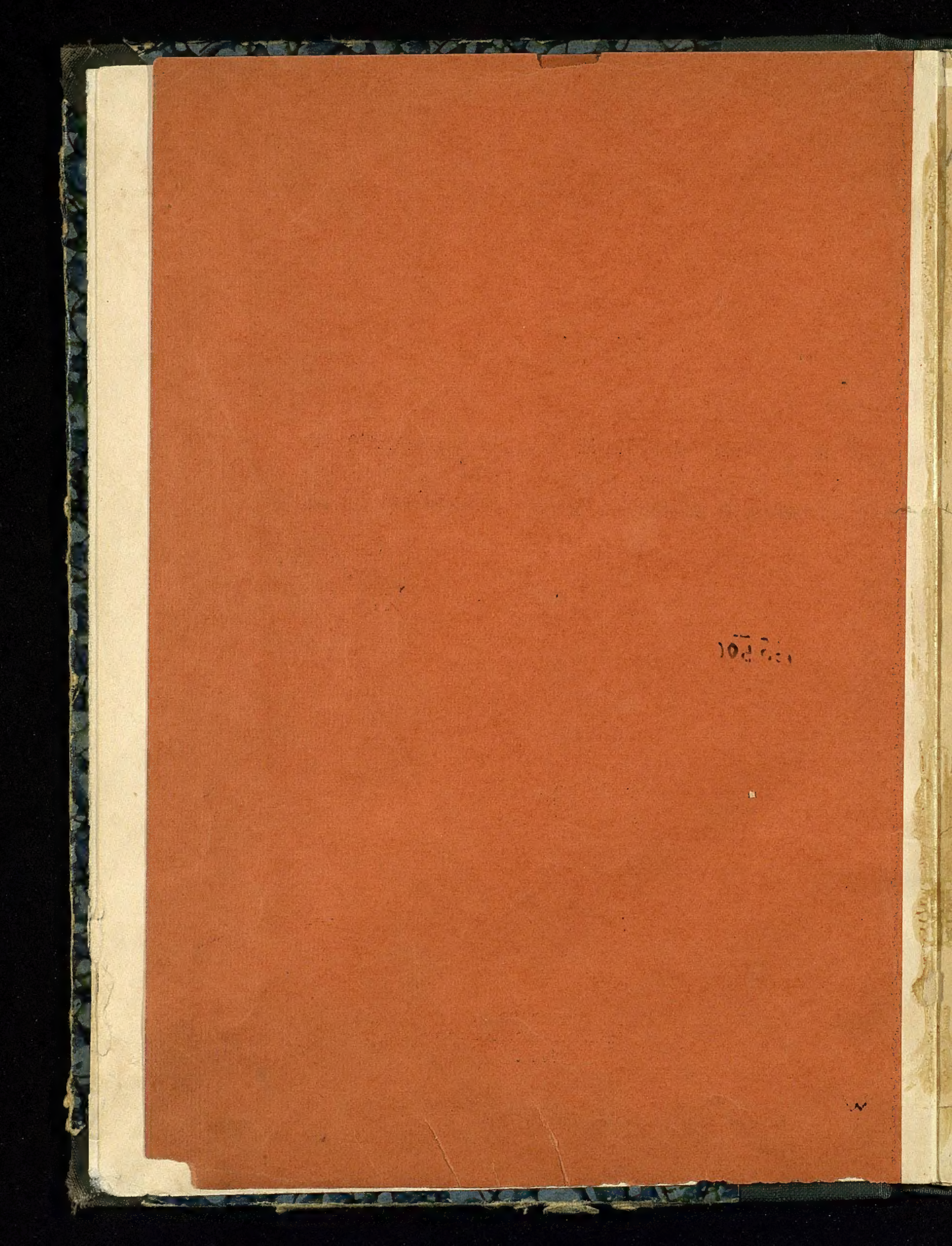

X
B165 —
506

Прив.-доц. П. М. Головачевъ.

ОЧЕРКЪ
ЗАСЕЛЕНІЯ СИБИРИ
въ XVI и XVII столѣтіяхъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка 96.
1906.

Прив.-доц. П. М. Головачевъ.

ОЧЕРКЪ
ЗАСЕЛЕНІЯ СИБИРИ
въ XVI и XVII столѣтіяхъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Фонтанка 96.
1906.

Характеръ и значеніе колонизаціи Сибири въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

I.

Территорія и населеніе древней Югріи и слабая связь ея съ Новгородомъ. Первоначальныя сношенія Москвы съ Сибирью. Походъ Ермака, какъ первый шагъ правильнаго занятія Сибири. Причины, давшія толчекъ колонизаціонному движенію изъ Россіи въ Сибирь и сдѣлавшія его постояннымъ и растущимъ.

Сѣверо-западная часть Сибири, къ востоку отъ Урала вплоть до низовьевъ Оби, еще за нѣсколько столѣтій до Ермака стала извѣстна русскимъ, именно новгородцамъ, какъ Югорская земля, Югрія. Новгородцы сначала познакомились съ финскими племенами по рѣкамъ западнаго склона Урала (пермяками, вогулами, зырянами), а затѣмъ перешли и за Уралъ. Такимъ образомъ, намѣчаются двѣ Югры: древнѣйшая, до-уральская, и позднѣйшая, за Ураломъ, по нижнему теченію Оби и ея притокамъ. Въ IV новгородской лѣтописи подъ 1364 г. отмѣчено, что „съ Югры новгородцы пріѣхаша дѣти боярстіи и молодые люди и воеводы, Александръ Абакуновичъ, Степанъ Ляпа, воеваша по Оби рѣкѣ до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воеваша“. Здѣсь, очевидно, дѣло идетъ о походѣ новгородской вольницы, „ушкуйниковъ“, въ страну драгоцѣннаго собсля на р. Оби. Еще болѣе опредѣленно о положеніи Югры въ XV в. говорится въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ подъ 1483 г.: „князь великій . . . посла рать . . . въ Югру на Обь великую рѣку . . . Воеводы великаго князя . . . пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ мимо Тюмень въ Сибирскую землю . . . а отъ Сибири шли по Ирьтышу рѣцѣ внизъ . . . да на Обь рѣку великую въ Югорскую землю“. Область при впаденіи Тобола въ Иртышъ уже называлась тогда Сибирской землей и различалась отъ Югорской. Въ описаніи Большого Чертежа (во

2-й половинѣ XVI в.) говорится: „Отъ устья р. Оби вверхъ Обдорскіе грады, а выше Обдорскихъ градовъ Югорскіе, а выше Югорскихъ градовъ Сибирскіе“. Описаніе еще точнѣе опредѣляетъ границы Югріи: „Города по Сыгвѣ и по Сосвѣ— Югра“. Такимъ образомъ, Югорская земля, съ теченіемъ времени, изъ общаго географическаго термина, подъ которымъ новгородцы представляли себѣ всю извѣстную тогда часть сѣверо-западной Азіи, превращается въ опредѣленный и сравнительно небольшой географическій районъ. Въ началѣ XVII в. Югорская земля считается уже одной изъ сибирскихъ областей; въ „Запискѣ о царскомъ дворѣ, церковномъ чинопочитаніи и проч.“ говорится: „Сибирская земля, а въ ней городовъ: Тюмень, Тобольскій, Верхотурье, Пелымь, да на Оби четыре городы: за Обью въ Мангазѣи городъ, въ Югрѣ, въ Колмакахъ, въ Чатѣ“. Изъ сибирскихъ племенъ новгородцы раньше всѣхъ познакомились, повидимому, съ самоѣдами, которые еще и теперь кочуютъ у Обской губы. Еще въ первоначальной лѣтописи говорится о путешествіи „отрока“ новгородца Гюряты въ концѣ XI в. къ самоѣдамъ, жившимъ сѣвернѣе Югорской области. Но больше всего новгородцы имѣли дѣло съ югрой, югричами, подъ которыми именно нужно разумѣть остяковъ низовья Оби и ея притоковъ. Но и „самоядь“, повидимому, въ представленіи древне-русскаго человѣка подходила подъ общее понятіе югры, чего нельзя сказать о вогулахъ, о которыхъ въ лѣтописяхъ и другихъ источникахъ упоминается, какъ объ отдѣльномъ народѣ. „Вогуличи“ и „югра“ всегда различались между собой. Хотя еще съ XIII в. Югорская земля считалась въ числѣ новгородскихъ волостей, однако фактически всѣ отношенія новгородцевъ къ ней ограничивались лишь непеpіодическими походами туда новгородской вольницы для сбора дани въ такомъ количествѣ, какое ушкуйники могли только захватить. Дань эта заключалась въ серебрѣ („закамское“ серебро, на западной сторонѣ Урала), въ соболяхъ и другихъ дорогихъ мѣхахъ въ собственно Югорской землѣ, у приобскихъ остяковъ. Новгородцы не могли завести тамъ ни своихъ поселеній, факторій, ни какого либо порядка управленія. Они считали Югорскую землю своей волостью лишь въ томъ смыслѣ, что указывали этимъ на освященное временемъ право или, вѣрнѣе, на возмо-

жность предпринимать туда походы для сбора дани, или, точнѣе, для грабежа, такъ какъ самый размѣръ дани зависѣлъ исключительно отъ безграничнаго произвола „даньщиковъ“. Со времени подчиненія Новгорода Москвѣ къ послѣдней, естественно, перешло и право предпринимать походы въ Югру, которые продолжали имѣть прежній характеръ, но повторялись очень рѣдко: въ XV столѣтіи, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, извѣстны только два такихъ похода. Къ половинѣ XVI вѣка русская колонизація, особенно послѣ паденія Казани, далеко продвинулась на востокъ по Камѣ и ея восточнымъ притокамъ, и это имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что въ половинѣ 50-хъ годовъ московскій сборщикъ Димитрій Куровъ былъ за Ураломъ для полученія дани, которую князь сибирскій Едигеръ добровольно согласился давать Москвѣ съ 30000 подвластныхъ ему инородцевъ. Въ 1578 г. два сибирскихъ князя, Таймысъ и Левка, даже прибыли въ Москву и обѣщали давать ежегодную дань въ 1000 соболей и 1000 бѣлокъ. Но дѣйствительное подчиненіе Сибири, утвержденіе тамъ русскаго элемента, введеніе русскаго управленія начинается лишь съ 80-хъ годовъ XVI в. Для того, чтобы началась дѣйствительная и уже не прерывающая колонизація Сибири русскими, нужна была наличность такихъ явленій и фактовъ въ народной жизни Московской Руси, которые въ полной силѣ обнаружились именно въ послѣдней четверти XVI вѣка. Съ половины этого столѣтія положеніе тяглаго класса въ Московскомъ государствѣ значительно измѣнилось къ худшему. Войны съ Ливоніей, Швеціей, Польшей потребовали не только введенія новыхъ налоговъ и повинностей, но и отчужденія все новыхъ и новыхъ земель отъ крестьянъ съ обращеніемъ ихъ въ помѣстья и вотчины для того, чтобъ служилые люди могли являться на войну достаточно „конны, людны и оружны“. Въ концѣ царствованія Ивана IV было уже роздано до 50 мильоновъ четвертей земли. Среди самого крестьянскаго класса сталъ замѣтно развиваться слой зависимыхъ людей,— „подсусѣдниковъ“, „захребетниковъ“, „задворныхъ людей“,— положеніе котораго было еще хуже, чѣмъ даже крестьянъ. Естественно, что этотъ слой крестьянской массы былъ особенно безпокоенъ, недоволенъ, наклоненъ къ кочеваніямъ, чему немало способствовало и общее стѣсненіе личной юри-

дической независимости крестьянъ. Нерѣдкіе тогда голода и моровыя повѣтрія были также немаловажной причиной, почему въ это время крестьянское и посадское населеніе такъ склонно было „брести розно“. Множество людей бѣжало изъ деревень и городовъ: изъ болѣе сѣверныхъ мѣстностей бѣжали на Двину, къ Архангельску, и составляли тамъ промысловыя ватаги; изъ болѣе южныхъ (въ настоящее время губерніи, ближайшія къ Москвѣ съ юга)—въ степь, въ „дикое поле“, гдѣ одни записывались въ „городовые“ казаки, составлявшіе гарнизоны пограничныхъ городовъ, а другіе, болѣе энергичные, дѣлались „воровскими“ казаками. Русскіе казаки по Дону и Днѣпру въ это время почти совершенно освободились отъ власти Московскаго государства, грабили какъ крымцевъ, такъ и православныхъ купцовъ. Съ Дона и Днѣпра шайки „воровскихъ“ казаковъ легко перебирались и на Волгу для такихъ же подвиговъ. Въ 70-хъ годахъ XVI в. правительство Ивана IV приняло серьезныя мѣры противъ разбоевъ на Волгѣ. Экспедиція Ивана Мурашкина въ 1577 г. истребила и разогнала на Волгѣ нѣсколько шаекъ „воровскихъ“ казаковъ, и одной изъ нихъ удалось спастись на Каму, гдѣ уже русская колонизація сдѣлала нѣкоторые успѣхи, особенно благодаря Строгановымъ. „Гости“, а потомъ „именитые люди“ Строгановы къ концу XVI в. были самыми богатыми людьми въ Московскомъ государствѣ: добываніе соли, селитры, торговыя сношенія съ инородцами обоихъ склоновъ Урала и пріобрѣтеніе у нихъ пушного товара создали имъ огромныя богатства и придали большое значеніе этой фамиліи. Строгановы желали расширенія своей дѣятельности на востокъ и при томъ такъ, чтобы ихъ дѣйствія не стѣснялись ни пермскими воеводами, ни конкурренціей какихъ либо соперниковъ. Строгановы являлись уже съ нѣкоторыми чертами западно-европейскихъ феодаловъ среднихъ вѣковъ: они имѣли право строить городки (2—Канкоръ и Кергеданъ), ставить острожки, заселять край; имъ было предоставлено право суда и расправы въ занимаемыхъ ими мѣстностяхъ. Энергичный и предпріимчивый Ермакъ съ своими „воровскими“ казаками попалъ въ самый благопріятный моментъ въ поле зрѣнія Строгоновыхъ: въ ихъ распоряженіи находились нужныя матеріальныя средства для снаряженія сильной экспедиціи

за Уралъ, въ сибирскій „юртъ“ царя Кучума; у Ермака же были пригодные для этого люди, опытность и выдающійся талантъ организатора и вождя. Экспедиція Ермака сразу приняла очень серьезный характеръ и имѣла огромныя, вѣроятно, даже нежелательныя для Строгоновыхъ послѣдствія: Ермакъ „билъ челомъ сибирскимъ юртомъ“ прямо въ Москву, и Иванъ IV сразу понялъ огромное государственное значеніе, которое имѣло для Москвы пріобрѣтеніе Сибири. Строгановы не получили для себя какого либо особеннаго, исключительнаго вліянія въ Сибири и, конечно, не возвратили произведенныхъ затратъ на снаряженіе экспедиціи. Если старинныя экспедиціи новгородцевъ въ Сибирь и московскія въ концѣ XV в. имѣли только временныя, случайныя цѣли, то походъ Ермака, послѣ первыхъ необходимыхъ лѣтъ, такъ сказать, кочевой колонизаціи Сибири,—оказался эпохой, съ которой началось постоянное, не прекратившееся еще и теперь, заселеніе Сибири прочнымъ и осѣдлымъ рускимъ элементомъ. Указанныя нами выше обстоятельства внутренней жизни Россіи второй половины XVI в. какъ нельзя лучше способствовали усиленному стремленію туда русской вольно-народной колонизаціи изъ „поморскихъ“ областей и городовъ, въ видѣ промышленниковъ и „гулящихъ людей“ на первое время; этотъ колонизаціонный потокъ дополнялъ и подкрѣплялъ военное занятіе Сибири и колонизацію чисто - правительственную. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ въ самомъ концѣ XVI в., бури Смутнаго времени и страшное напряженіе народныхъ силъ, потребовавшееся при первыхъ двухъ государяхъ изъ дома Романовыхъ, явились причинами, почему вольно-народная колонизація Сибири такъ увеличилась, что съ 70-хъ годовъ XVII в. правительство стало задерживать ее запретительными мѣрами. Во всякомъ случаѣ, отмѣченные нами историческіе моменты внутренней жизни русскаго народа во 2-й половинѣ XVI и въ самомъ началѣ XVII столѣтій были чрезвычайно благопріятны для дѣйствительнаго, прочнаго, осѣдлаго заселенія Сибири русскими, что весьма содѣйствовало впослѣдствіи начинаніямъ московскаго правительства въ этомъ направленіи.

II.

Географическія условія, способствовавшія быстрому занятію русскими Сибири. Удобство передвиженія изъ бассейна Оби въ бассейны Енисея и Лены. Пути въ Сибирь черезъ Уралъ. Продолжительность и трудности передвиженія по сибирскимъ рѣкамъ и волокамъ. Значеніе дружиннаго начала въ ходѣ занятія русскими Сибири.

„Занятіе русскими одной изъ величайшихъ равнинъ земного шара, совершившееся въ продолженіе всего только 70 лѣтъ, говоритъ Замысловскій, составляетъ явленіе, въ высокой степени замѣчательное, можно сказать, безпримѣрное, если мы примемъ во вниманіе тѣ неблагопріятныя условія, которыя задерживали завоевательное и колонизаціонное движеніе въ Смутную эпоху и долгое время послѣ того, если примемъ, далѣе во вниманіе тѣ ничтожныя средства, какими могла располагать Московская Русь для водворенія и поддержки своихъ необъятныхъ владѣній на востокѣ. На занятіе сѣверной Америки культурные народы западной Европы должны были употребить больше времени“. Дѣйствительно, фактъ занятія столь огромной территоріи въ такое короткое время на первый взглядъ представляется поразительнымъ, но если мы всмотримся внимательно въ хорошую и подробную гидрографическую карту Сибири, то сейчасъ же найдемъ естественное объясненіе ему. Прежде всего бросаются въ глаза 4 огромныхъ рѣчныхъ системы, безконечной сѣтью своихъ притоковъ какъ бы заполняющихъ всю карту. Три рѣчныхъ системы (Обь, Енисей, Лена) прорѣзываютъ Сибирь почти по всей ея ширинѣ; четвертая (Амуръ) тянется почти по всей ея южной границѣ. Системы эти такъ сближаются своими притоками, что разстоянія между ними, волоки, очень коротки и удобопроходимы, т. к. раздѣляющія ихъ возвышенности не отличаются особенной высотой. Цѣлый рядъ второстепенныхъ рѣчныхъ системъ пересѣкаетъ отдаленный сѣверо-востокъ Сибири и облегчаетъ доступъ туда. Системы сибирскихъ рѣкъ похожи на сложную нервную сѣть огромнаго организма, въ которомъ нервные концы почти сплетаются другъ съ другомъ. Ни одна часть свѣта не представляетъ подобной картины. Вполнѣ понятно поэтому, что не только военное занятіе Сибири, но и ея мирная, осѣдлая, земледѣльческая колонизація избрали для себя этотъ есте-

ственный путь и прошли его въ короткое время. Современная этнографическая карта Сибири хорошо отражаетъ на себѣ историческій фактъ: съ 60-й сѣв. широты русское населеніе занимаетъ берега рѣкъ, болѣе или менѣе оттѣснивъ отъ нихъ инородческій міръ, располагаясь вдоль береговъ сѣверныхъ рѣкъ, конечно, только въ видѣ отдѣльныхъ оазисовъ, но непремѣнно только вдоль рѣкъ. Смутное время и ближайшіе за нимъ годы пріостановили только чисто-правительственную, военную и организаціонную, дѣятельность въ Сибири, но, какъ мы видѣли выше, самыя обстоятельства эпохи именно тогда-то и вызвали усиленную вольно-народную колонизацію. Привлекаемые слухами о мѣховыхъ сокровищахъ сѣверной Сибири, многочисленные промышленники и „гулящіе люди“ во множествѣ оставляли „поморскія“ области, пережившія тяжелыя времена, и стремились въ Сибирь, пользуясь затишьемъ правительственной дѣятельности въ открытіи „новыхъ землицъ“ и объясачиваніи инородцевъ, чтобы проникать для своихъ промышленныхъ операцій въ мѣстности, еще не объясаченныя правительственными агентами. Впослѣдствіи они не только сообщали воеводамъ городовъ, изъ которыхъ предпринимались экспедиціи, о „новыхъ землицахъ“ и путяхъ въ нихъ, но и входили въ составъ посылаемыхъ отрядовъ, часто въ нѣсколько разъ превосходя своею численостью казаковъ. Эта вольно-народная колонизація, пока еще кочевая, хищническая, встрѣчала столь слабую силу сопротивленія со стороны миролюбивыхъ и кроткихъ сѣверныхъ инородцевъ, что борьба съ ними оставалась у нихъ на послѣднемъ планѣ. Это не были воинственные и многочисленные перуанцы и особенно мексиканцы, съ которыми приходилось сталкиваться Писарро и Кортесу, или неукротимые апахи и команчи сѣверной Америки: обитатели береговъ Оби и Енисея рѣдко и лишь въ крайнихъ случаяхъ принимались за копья и стрѣлы. Всѣ эти обстоятельства достаточно объясняютъ быстроту и легкость занятія русскими Сибири, особенно ея сѣвера и сѣвера-востока. Путь, по которому Ермакъ проникъ въ Сибирь, былъ открытъ, конечно, не имъ и представлялъ значительныя трудности: съ Камы нужно было подняться вверхъ по Чусовой, быстрой и мелководной, волокомъ перебраться въ Тагилъ, притокъ Туры, по которой спуститься до Тобола и плыть по нему до впа-

денія въ Иртышъ, притокъ Оби. Обь и ея непосредственные притоки представляли такія удобства для плаванія, открывали столь соблазнительныя перспективы простора, неисчерпаемаго богатства готовой пищи—рыбы и поселяли такія надежды на огромныя сокровища дорогихъ мѣховъ у прибрежныхъ жителей, что немедленно же началось движеніе русскихъ вверхъ и внизъ по Оби, и въ 25 лѣтъ рѣка была „вывершена", т .е. русскіе проникли даже въ ея верхнее теченіе. Немедленно послѣ занятія Ермакомъ Искера началось движеніе русскихъ вверхъ и внизъ по Иртышу и внизъ по Оби. Самъ Ермакъ въ 1584 г. прошелъ вверхъ по Иртышу до устья р. Шишъ. Эти первые походы носили характеръ рекогносцировокъ: инородческіе „городки" только брались съ боя, острожки пока не закладывались. Лишь въ 1585 г. Мансуровъ основалъ первое русское укрѣпленіе при впаденіи Иртыша въ Обь—„Городокъ Обскій большой", скоро, впрочемъ, оставленный и разоренный. Въ 1586 г. на Турѣ основана была русская Тюмень, первый русскій городъ въ Сибири. Въ теченіе 90-хъ годовъ XVI в. русскіе продвинулись далеко вверхъ по Оби и основали слѣдующіе укрѣпленные пункты: Сургутъ (1593), Нарымъ и Кетскъ (1596), внизъ по Оби основали Березовъ (1594 г.) и дошли до Обдорска (1595), поднялись по Иртышу и основали Тару (1594) и на Тавдѣ Пелымъ (1593 г.). Такимъ образомъ, въ первое же десятилѣтіе русскими занята была въ Сибири огромная территорія и закрѣплена за ними посредствомъ нѣсколькихъ опорныхъ пунктовъ. Счастливое расположеніе рѣкъ само собою указывало дорогу на востокъ. Правые притоки Оби, Вагъ и Тымъ, почти сливаются съ лѣвыми притоками Енисея — Елогуемъ, и Сымомъ, и въ этомъ же мѣстѣ направляется къ сѣверу большая рѣка Тазъ. Изъ Тазовской губы системой рѣчекъ и волоковъ можно проникнуть въ Туруханъ, большой притокъ низовьевъ Енисея. Кромѣ этихъ трехъ путей, еще съ 1596 г. на Енисей обнаружился еще и четвертый путь: по Кети, на устьѣ которой былъ заложенъ Кетскій острогъ, по ея притоку Касу и девяностоверстному волоку до Енисея. Къ самому началу XVII в. русскіе уже проникли на Енисей, и въ 1600 г. уже была основана Мангазея на низовьяхъ этой рѣки. Самъ Енисей тремя большими правыми притоками, тремя Тунгусками, увлекалъ землеискателей не только

далѣе на востокъ, но и на югъ. Но дальнѣйшее движеніе отъ Енисея на востокъ началось лишь съ 20-хъ годовъ XVII в., такъ какъ раньше нужно было, по возможности, „вывершить“ всю эту огромную рѣку. Въ началѣ XVII в. русскіе такъ продвинулись уже въ верховья Оби, что начали подниматься по ея верховымъ притокамъ: въ 1604 г. былъ основанъ Томскъ на Томи, и по притокамъ Томи—Кондомѣ, Мрассѣ и др. землеискатели начали даже приближаться къ верхнему теченію Енисея, но приалтайскіе горные хребты помѣшали ихъ дальнѣйшему движенію. Движеніе по Кети привело къ подчиненію инородческой Кемской волости и имѣло въ результатѣ основаніе въ 1618 г. Енисейскаго острога, черезъ который долгое время вела единственная дорога изъ западной половины Сибири въ юго-восточную, въ нынѣшнія Иркутскую губ. и Забайкалье. Енисей былъ „вывершенъ“ (до Красноярска) въ теченіе приблизительно 28 лѣтъ. Съ 20-хъ годовъ XVII в. движеніе на востокъ продолжается. Изъ Туруханска и Енисейска на Лену всего два пути: по нижней Тунгускѣ до устья р. Титея, откуда волокомъ на р. Чону, притокъ Вилюя, впадающаго въ Лену. Второй путь шелъ по Верхней Тунгускѣ (Ангарѣ) до впаденія въ нее Илима, оттуда волокомъ прямо на Лену (это былъ исключительно зимній путь); лѣтомъ нужно было подниматься вверхъ по Илиму и волокомъ перебираться на р. Муну, притокъ Кута, впадающую въ Лену. Илимъ и Кутъ соединяли еще рѣчки Игирма и Купуй съ соотвѣтствовавшими волоками. Въ десятилѣтіе (1630-1640) русскими было пройдено все теченіе Лены. Выйдя въ океанъ изъ устья Лены, они проникли на Олекму къ западу и на Яну къ востоку и „вывершили“ всѣ большіе притоки Лены—Алданъ, Олекму, Витимъ и даже нѣкоторые притоки этихъ послѣднихъ, какъ Маю, притокъ Алдана. Въ началѣ 40-хъ годовъ землеискатели съ Лены двинулись на Амуръ по Алдану, Учуру, Гонаму, волокомъ черезъ Становой хребетъ, по Бряндѣ, притоку Зеи, впадающей въ Амуръ. По Олекмѣ и его притоку Тугиру на Амуръ велъ еще одинъ путь. Въ 1645 г. русскіе достигли уже устья Амура и ознакомились съ берегами Охотскаго моря. Мая представляла путь для сообщенія береговъ Охотскаго моря съ Леной. Рѣки сѣверо-восточной Сибири представляли прекрасныя водныя дороги для землеискателей

40-хъ и 50-хъ годовъ: по нимъ двигались съ верховьевъ, поднимались съ устьевъ и моря (Яна, Индигира, Колыма, Алазея, Анадырь, Пенжина и др.), поднимались по ихъ огромнымъ притокамъ, какъ Анюй, Омолонъ, Коркодонъ (притоки Колымы) и проникали вглубь страны.

Движеніе русскихъ на югъ отъ Енисейска шло вверхъ по Ангарѣ, но шло медленно, потому что имъ пришлось столкнуться здѣсь съ воинственными и многочисленными бурятами. Двинувшись въ землю бурятъ въ концѣ 20-хъ годовъ, русскіе лишь къ половинѣ 40-хъ добрались до сѣвернаго края Байкала. Въ началѣ 50-хъ годовъ завоеватели были уже у южной оконечности Байкала (Иркутскъ, въ 1552 г.), а къ половинѣ 50-хъ годовъ утвердились и за Байкаломъ. Забайкальская рѣка Шилка выводила на Амуръ, до котораго, такимъ образомъ, добрались и съ запада. На Забайкалье русскіе надвигались и съ сѣвера, также главнымъ образомъ, по рѣкамъ—Баргузину, Витиму, Удѣ, Киренгѣ, и всюду основывали свои опорные пункты. Поднимаясь по Оби и ея верховымъ притокамъ, въ 30-хъ годахъ русскіе проникли и въ Алтай, въ землю телесовъ (у Телецкаго озера). Какъ буряты на юго-востокѣ, у Байкала, задерживали, но не останавливали поступательное движеніе русскихъ, такъ то же дѣлали и киргизы въ западной половинѣ Сибири, вверхъ по теченіямъ Тобола, Иртыша и Ишима. Болѣе многочисленные и болѣе воинственные кочевники, нежели буряты, киргизы дольше задерживали движеніе русскихъ вверхъ по упомянутымъ рѣкамъ: въ періодъ времени даже съ 20-хъ годовъ XVII в. русскіе сравнительно немного спустились къ югу отъ Тобольска. Зато въ глубинѣ Сибири, послѣдовавшее въ началѣ 20-хъ годовъ одновременное движеніе вверхъ по Енисею отъ Енисейска и вверхъ по Чулыму привело къ основанію Красноярскаго острога (1628 г.), ставшаго защитнымъ пунктомъ отъ кочевыхъ инородцевъ съ юга. Въ самомъ концѣ XVII в. русскіе поднялись по р. Камчаткѣ и въ глубинѣ Камчатскаго полуострова основали Верхнекамчатскъ. Итакъ, размѣстивъ на гидрографической сѣти Сибири хронологическія точки, иллюстрирующія ходъ ея занятія русскими, необходимо прійти къ заключенію, что проникновеніе пришельцевъ въ самые отдаленные уголки почти безпредѣльной страны въ столь короткое сравнительно

время могло осуществиться лишь благодаря необыкновенно удобному расположенію сибирскихъ рѣкъ, переплетающихся, даже почти сливающихся своими притоками.

Въ концѣ XVI и въ теченіе всего XVII столѣтій въ Сибирь проникали изъ Россіи посредствомъ множества дорогъ, пересѣкавшихъ Уралъ между 57 и 65 параллелями; по этимъ путямъ стремилась торговая, промышленная и вольно-народная землѣдельческая колонизація Сибири, стараясь обходить правительственныя заставы, которыя имѣли цѣлью задерживать самовольныхъ, бѣглыхъ переселенцевъ и препятствовать контрабандѣ—ввозу въ Сибирь товаровъ, не оплаченныхъ пошлинами, и вывозу „заповѣдныхъ товаровъ"—дорогихъ мѣховъ. Такими путями служили всѣ рѣки обоихъ склоновъ Урала, сколько нибудь сближающіяся между собою истоками. Но чаще всего въ Сибирь пробирались слѣдующими путями: по Вычегдѣ и Южмѣ доплывали до Печоры, а съ съ этойрѣки вели три главныя дороги: 1°, вверхъ по Шокуру (Шугуръ), а оттуда по Сыгвѣ въ Сосву (настоящая древняя Югра); 2° второй путь велъ по Олешу или Илычу, откуда въ Сосву; 3°, третій путь былъ сѣвернѣе: по Усу, впадающему въ Печору, потомъ Собью въ Обь. Впослѣдствіи, уже въ началѣ XVII в., тогдашніе контрабандисты нѣсколько измѣнили первый путь: съ Уральскаго хребта пробирались по р. Киртасу, который впадалъ въ Сыгву, откуда входили въ Сосву, но плыли не къ Березову, а въ самую южную протоку, соединявшую Обь съ Сосвой („Иясполову"). Оффиціальнымъ путемъ въ Сибирь, по которому ѣхали служилые люди, не контрабандисты-торговцы и промышленники, препровождались казенные грузы, былъ сначала Лозвинскій: отъ Соликамска р. Вишерой, волокомъ черезъ Уралъ въ Лозву, далѣе въ Тавду, въ Тоболъ, изъ котораго Турой добирались и до Тюмени. Этотъ длинный путь (2000 в.) въ 1597 г. былъ замѣненъ Бабиновской дорогой: отъ Соликамска на Косву черезъ верховья Яйвы, къ устью притока первой—Тулунока, далѣе по сѣверному берегу Косвы, вдоль ея притока Кырьи, черезъ Павдинскій камень на Павду, впадающую въ Лялю; въ небольшомъ разстояніи отъ р. Разсохиной дорога пересѣкала Лялю и шла вдоль р. Мостовой и отъ нея поворачивала къ устью Калачика, относящагося къ системѣ Туры. И этотъ путь (500 в.) былъ

очень неудобенъ, особенно весной; вскорѣ ему сталъ предпочитаться даже старинный, ермаковъ путь по Чусовой. Такимъ образомъ, рѣки представляли наилучшія дороги и для того, чтобы попасть за Уралъ въ Сибирь. Существовалъ и морской путь изъ Архангельска къ устьямъ Енисея и Оби: русскіе промышленники и торговые люди показали въ 1616 г., что отъ Архангельска, изъ Холмогоръ и Пинеги, ходятъ они въ Мангазею къ устью Кулая и на Канинъ носъ мимо Колгуева. „мимо русской и Меденской завороты“, Югорскимъ шаромъ на Карскую губу въ р. Мутную, откуда въ Обь и устья Таза.

Движеніе по воднымъ дорогамъ Сибири и по волокамъ совершалось, конечно, крайне медленно. Даже когда установились болѣе или менѣе правильныя сообщенія, во 2-й половинѣ XVII в., отъ Тобольска до Березова добирались въ 20 дней, до Тары на судахъ въ 4 недѣли, до Пелыма въ 17, до Сургута въ 16 дней. Путь отъ Сольвычегодска до Березова требовалъ 10 недѣль. Отъ Обдорска до Мангазеи добирались въ 3 недѣли. Обычный путь туруханскихъ промышленниковъ и казаковъ требовалъ очень много времени: 10 дней шли на кочахъ и каюкахъ вверхъ по рр. Тазу, Волочанкѣ и „озеры и рѣжмами“, потомъ съ полверсты нужно было двигаться волокомъ; съ этого волока до р. Турухана двигались 2 дня, затѣмъ 10 дней внизъ по Турухану и Шану до Туруханскаго зимовья, далѣе нужно было пробраться на Нижнюю Тунгуску до устья Титея (не менѣе 10—11 недѣль хода), откуда 2 дня волокомъ до р. Чоны (Чечуйскій волокъ), притока Вилюя. На Чонѣ располагались зимовать и дѣлать суда, вѣроятно, большихъ размѣровъ. 10 дней нужно было идти Чоной до Вилюя и 3 недѣли спускаться послѣднимъ. „Два мѣсяца и больши“ нужно было идти Леной до ея устья. Отъ Енисейска до Красноярска рѣкой поднимались 3 недѣли. 17 недѣль нужно было подниматься по Ангарѣ отъ Енисейска до Байкала, а все путешествіе отъ Енисейска до Амура продолжалось $8^1/_2$ мѣсяцевъ. Болѣе 10 недѣль нужно было употребить, чтобы пробраться съ Лены, отъ устья Алдана, до Станового хребта. Здѣсь приходилось зимовать, и потомъ уже спускаться по Бряндѣ и Зеѣ къ Амуру. Съ грузомъ цѣлое лѣто нужно было двигаться только по одной Олекмѣ, направляясь на Амуръ. Сухимъ путемъ

отъ Якутска до устья Алдана доходили въ недѣлю, оттуда до Верхоянскаго зимовья въ 4 недѣли, отъ него до Зашиверска въ 3 недѣли, до Алазейскаго въ 4 недѣли, а отъ него на Колыму до Средняго зимовья въ недѣлю, отъ последняго до Верхнеколымскаго на нартахъ въ 3 недѣли, а въ Нижнеколымское такимъ же путемъ попадали въ 5 недѣль. Итакъ, отъ Якутска до Среднеколымска добирались въ 12 недѣль, до Верхнеколымска въ 15, а до Нижнеколымска даже въ 17 недѣль. Когда землеискатели шли по всѣмъ этимъ путямъ въ первый разъ, они, конечно, должны были подвигаться еще гораздо медленнѣе, почти ощупью, въ незнакомыхъ суровыхъ мѣстностяхъ, среди дикихъ, высокихъ горъ, поросшихъ непроходимыми дремучими лѣсами, въ постоянномъ опасеніи засадъ, въ нерѣдкихъ столкновеніяхъ съ инородцами.

Плаваніе по сибирскимъ рѣкамъ сопровождалось лишеніями и трудностями. Обь и Лена—безконечныя, безлюдныя рѣки, съ опасными бурями; въ низовьяхъ Лены сильное теченіе, страшные „шиверы" (пороги), „щеки" (высокія скалы, о которыя сильно ударяется теченіе), Енисей очень быстръ, обставленъ высокими горами, также „съ шиверами". Нижняя Тунгуска отличается замѣчательной быстротой теченія: русло ея изрѣзано „корчагами"—громадными ямами съ камями на днѣ, между которыми находятся, вѣроятно, еще и провалы: громадныя деревья, часто плывущія по этой рѣкѣ, вдругъ увлекаются подъ воду и на нѣкоторое время исчезаютъ. Верстахъ въ 300 отъ устья раскинулся огромный порогъ, пройти черезъ который можно съ величайшей осторожностью только по самой срединѣ. Берега высоки и скалисты. Кромѣ того, рѣка эта отличается своенравной и внезапной прибылью воды. По Чонѣ приходилось плыть верстъ 500. На берегахъ громоздятся высокія горы и утесы. Лѣтомъ рѣка не судоходна по причинѣ множества пороговъ. Вилюй также изобилуетъ порогами, имѣетъ множество излучинъ и свободенъ лишь 5 мѣсяцевъ отъ льда. „По Ангарѣ рѣкѣ пороги страшные: запасы и товары, вверхъ идя и на нихъ пловучи, на себѣ обносятъ — иной порогъ 4 поприща, а иные по 2 и по $1^1/_2$". „Рѣка Кеть, пишетъ Спаѳарій, отправленный въ 1675 г. посломъ въ Китай, „зѣло тосклива; жилья по ней нѣтъ отъ Кецкаго острога до Маков-

скаго. А опричь того Кеть тоскливая жъ для того, что по ней ни елани, ни поля нѣтъ, только лѣсъ непроходимый; вода въ ней черная, а мѣста сухого мало“. На протяженіи всего Маковскаго волока раскинулись горы, „темные лѣса“, множество болотъ и рѣчекъ. 19 или 11 дней тянулись этимъ волокомъ. По Ангарѣ вслѣдствіе быстраго теченія, суда приходилось съ великимъ трудомъ тянуть вверхъ канатами. На порогахъ гибло множество людей у Кашиной шиверы. Спаѳарій видѣлъ до 40 уцѣлѣвшихъ деревянныхъ крестовъ, поставленныхъ въ память погибшихъ здѣсь людей. Въ этомъ мѣстѣ приходилось иногда стоять недѣль по 8, ждать сильнаго попутнаго вѣтра, „паруснаго погодья“, а иногда и зимовать По Ангарѣ, какъ и по другимъ сибирскимъ рѣкамъ, путниковъ безпокоило множество мошекъ; „безъ сѣтки человѣкъ ходить не можетъ получетверти часа“, пишетъ Спаѳарій. Движеніе по рѣкамъ сѣверо-востока Сибири было, пожалуй, еще затруднительнѣе. „Дошелъ я, говоритъ одинъ почти современникъ (1710 г.), въ Анадырскій острогъ съ великою нуждою, потому что поверстанные служилые люди въ дорогѣ неискусны и непоспѣшны, а рыбный кормъ имъ не въ обыкность; многіе въ дорогѣ за скорбію обезножили и впредь имъ далѣе за тою скорбію идти невозможно“ (5 человѣкъ). „Одинъ изъ нихъ, казакъ Андрей, во время пурги сбился съ дороги и пропалъ безъ вѣсти“. Во время своихъ скитаній землеискатели ѣли иногда „траву, сосну и коренье“, „всякую ѣдь скверную“. Приходилось даже питаться тѣлами умершихъ товарищей. Но движеніе впередъ, на сѣверъ, югъ, востокъ не прерывается, ростетъ, усиливается. Партіи землеискателей, казаковъ, промышленниковъ, „гулящихъ людей“ со стихійной непреодолимостью распространяются по территоріи Сибири. Ѣдутъ на собакахъ, на лошадяхъ, пробираются на лыжахъ, идутъ пѣшкомъ, плывутъ въ лодкахъ, стругахъ, „кочахъ“ и „дощаникахъ“ на веслахъ, на шестахъ, на парусахъ, бечевой поднимаются на порогахъ, тянутъ суда волокомъ, бросаютъ ихъ, строятъ вновь, борются съ снѣгами, метелями, льдами, голодомъ, усталостью, сражаются съ инородцами, сталкиваются съ медвѣдями, „рубятъ“ зимовья, гибнутъ цѣлыми десятками— и все-таки мало-по-малу овладѣваютъ безпредѣльной равниной Сибири. Сибирь XVII в. представляла собою благодар-

ную арену, на которой свободно могли проявится и развиться всѣ основныя черты духа сѣверныхъ великоруссовъ, не стѣсняемыя, съ одной стороны, постояннымъ и властнымъ вмѣшательствомъ правительства, а съ другой—опасными и многочисленными врагами-сосѣдями, какъ это было въ южной, степной окраинѣ Московской Руси. Въ Сибири на долю русскаго человѣка выпала преимущественно борьба съ труднодоступными горами, непроходимыми тайгами, лютыми морозали, страшными вьюгами, голодомъ. Дружинное начало господствовало надъ личной волей вождей этихъ партій, которые были лишь представительными главами своихъ дружинъ, исполнителями ихъ коллективной воли, общихъ плановъ. Въ случаяхъ столкновенія воли коллективной съ волей личной побѣждала обыкновенно первая; такимъ образомъ, не отдѣльныя личности, а сами народныя массы были двигателями сибирской исторической жизни въ этотъ періодъ, и это также способствовало быстротѣ и прочности занятія Сибири русскими.

III.

Происхожденіе піонеровъ-колонизаторовъ изъ поморскихъ городовъ и уѣздовъ и значеніе этого обстоятельства. Причины предпочтенія ими восточной половины Сибири. Ихъ общая характеристика. Важнѣйшіе землеискатели и ихъ движеніе по Сибири. Сибирскіе инородцы и ихъ возстанія.

„Бродячая Русь“ XVII в. на обширной, не извѣданной территоріи Сибири нашла благодарное поприще для примѣненія и развитія своихъ непочатыхъ силъ, несокрушимой энергіи и, къ сожалѣнію, тѣхъ инстинктовъ, которые были воспитаны въ ней всѣмъ складомъ исторической жизни русскаго народа. Почти исключительно сѣверная Россія, поморскіе города и уѣзды, посылала за Уралъ своихъ представителей за волей, приключеніями и наживой — и это обстоятельство значительно способствовало успѣху землеискателей и мѣхопромышленниковъ: тѣ же „темные“ лѣса, могучія рѣки, жгучіе морозы они встрѣтили и за Ураломъ, только въ гораздо болѣе широкомъ масштабѣ. Болѣе пассивные представители пришедшей въ Сибирь изъ-за Урала „бродячей Руси“ ограничивались второстепенной ролью ря-

довыхъ землеискателей и промышленниковъ; болѣе активныя личности становились во главѣ дружинъ, скоро выдѣлялись своей энергіей, знаніемъ условій движенія по сибирскимъ рѣкамъ и тайгамъ и отношеній къ инородцамъ. Русскій сѣверъ не выработалъ спеціальнаго типа „казака“: вольные, „гулящіе“ люди, промышленники, приходившіе въ Сибирь изъ-за Урала, поступали въ казаки, смотря по обстоятельствамъ. Сибирскіе воеводы охотно зачисляли ихъ въ казаки, особенно послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бродяжества по тайгамъ и рѣкамъ. Иногда предпріимчивые промышленники сами составляли свои дружины, за свой собственный счетъ и рискъ, и шли открывать „новыя землицы“, какъ Пенда, Хабаровъ и др. Иногда промышленники и „гулящіе люди“ примыкали къ казачьимъ дружинамъ, превосходя ихъ числомъ. Вообще между ними и казаками существовала чисто формальная разница, и воеводы съ охотою принимали „гулящихъ людей“ и промышленниковъ въ казаки („охочіе люди“) и пользовались ихъ указаніями для открытія „новыхъ землицъ“. Несокрушимое здоровье, твердая воля, неразборчивость въ средствахъ, жадность къ добычѣ представляли общія типическія свойства первыхъ сибирскихъ землеискателей.

Послѣ общей характеристики піонеровъ русской колонизаціи Сибири, которая въ дѣйствительности началась лишь послѣ появленія въ ней осѣдлыхъ земледѣльцевъ, остановимся на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностяхъ, имена которыхъ уцѣлѣли въ историческихъ памятникахъ. Западная, до-енисейская половина Сибири не представляла для землеискателей XVII в. такой благодарной арены, какъ восточная: ея не пересѣкали трудно доступныя горы, не бороздили быстрыя рѣки въ скалистыхъ берегахъ, не заселяли такія многочисленныя и вольнолюбивыя инородческія племена, какъ тунгусы, якуты, буряты, чукчи, амурскіе инородцы; она не привлекала такъ своими пушными богатствами, какъ Сибирь за-енисейская (якутскій соболь); наконецъ, всѣ инородцы уже объясачены, вездѣ сидѣли царскіе воеводы, а на юго-западѣ борьба съ киргизами представляла интересъ лишь для осѣдлыхъ земледѣльцевъ, какъ борьба за пашни, за спокойствіе, что и произошло только позднѣе. Вотъ почему всѣ подвиги казаковъ-землеискателей имѣли мѣсто лишь

къ востоку и юго-востоку отъ Енисея. Мангазея, Туруханскъ на низовьяхъ Енисея и основанный въ 1618 г. Енисейскъ были пунктами, изъ которыхъ обыкновенно шли на востокъ партіи землеискателей. Въ 1620 г. промышленникъ Пенда, съ 40 товарищами проникшій по Вилюю въ землю якутовъ и проведшій тамъ до 3 лѣтъ, принесъ первое извѣстіе объ этомъ народѣ. Пенда поднялся вверхъ по Ленѣ, по Куленгѣ проникъ въ землю бурятъ и Ангарою возвратился въ Енисейскъ. Итакъ, Пенда сдѣлалъ огромный кругъ и развѣдалъ пути, которые тотчасъ же стали обычными средствами сообщенія со всѣмъ бассейномъ „великой рѣки" Лены.

Въ 1626 г. съ низовьевъ Енисея по Тунгускѣ и Вилюю двинулись на Лену двѣ партіи землеискателей, состоявшія изъ 72 казаковъ и 501 промышленника. Въ 1630 г. Васильевъ уже обложилъ якутовъ по Ленѣ первымъ правильнымъ ясакомъ. Въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ движеніе на Лену происходило и изъ Енисейска: Василій Бугоръ и Иванъ Галкинъ направились по Ангарѣ, ея притоку Илиму и притоку Лены Куту. Остроги Илимскій и Устькутскій сдѣлались важными пунктами. По основаніи Якутскаго острога въ 1632 г., онъ сдѣлался отправной точкой для движенія далѣе на востокъ и на югъ, на Амуръ. Съ именемъ Бекетова связано движеніе вверхъ по Амгѣ, Алдану, Олекмѣ, основаніе Амгинскаго зимовья и Олекминскаго острога. Вышедшій изъ Енисейска въ 1636 г. на Лену казакъ Буза спустился до самаго ея устья, вышелъ въ Ледовитый океанъ, открылъ къ западу отъ устьевъ Лены большую рѣку Оленекъ, поднялся по ней и основалъ Оленское зимовье, снова вернулся на океанъ и къ востоку отъ устьевъ Лены открылъ огромную Яну (1638 г.). Въ слѣдующемъ году онъ открылъ рѣку Чендонъ и объясачилъ юкагировъ. Въ 1637 г. на Яну проникли и съ верховьевъ: партія Постника Иванова изъ Якутска сухимъ путемъ двинулась по Янѣ и на ея верховьяхъ основала Верхоянскъ, считающійся самымъ холоднымъ мѣстомъ сѣвернаго полушарія. Въ 1639 г. онъ же проникъ на верховья Индигирки, основалъ Зашиверское зимовье и окончательно усмирилъ юкагировъ. Черезъ 5 лѣтъ Стадухинъ проникъ даже до устьевъ Колымы и основалъ Нижнеколымское зимовье. Наконецъ, русскіе дошли и до

крайняго сѣверо-востока Сибири и даже пересѣкли Берингов проливъ. Въ іюнѣ 1648 г. приказчикъ одного купца, колмогорецъ Алексѣевъ, организовалъ экспедицію въ землю чукочъ. Семь кочей *) снялись съ деревянныхъ якорей на устьѣ Колымы и подъ ровдужными парусами (изъ выдѣланныхъ шкуръ оленей) поплыли на востокъ, по р. Анадыру, который, какъ тогда думали, впадалъ въ „Студеное" море и который представлялся тогда сказочнымъ Эльдорадо. На каждой кочѣ было до 30 казаковъ и промышленниковъ. 4 кочи скоро гибнутъ въ волнахъ океана. Экипажъ трехъ уцѣлѣвшихъ бьется на берегу съ чукчами, раненый Алексѣевъ погибаетъ въ ихъ рукахъ, новая буря разбрасываетъ суда, и лишь одно изъ нихъ, на которомъ начальствовалъ казакъ Семенъ Дежневъ, проникаетъ въ Тихій океанъ проливомъ, отдѣляющимъ Азію отъ Америки, и останавливается гдѣ-то къ югу отъ Анадыра. Казаки и промышленники, въ числѣ 25, отправившіеся отъ мѣста высадки къ Анадыру, идутъ до него въ теченіе 10 недѣль и частію погибаютъ отъ холода и голода. На другой годъ уцѣлѣвшіе поднимаются Анадыромъ и основываютъ Анадырское зимовье. Такимъ образомъ, Дежневъ за 100 лѣтъ до Беринга открылъ проливъ, носящій имя послѣдняго. Въ то же десятилѣтіе, съ конца 30-хъ по конецъ 40-хъ годовъ, русскіе достигли береговъ Охотскаго и Камчатскаго морей: въ 1639 г. Москвитинъ съ 31 казакомъ по Маѣ (притоку Лены), Ньюдомѣ и волокомъ по р. Ульѣ дошелъ до моря. Въ слѣдующемъ же году начались развѣдки: къ сѣверу до р. Тауя, къ югу до р. Уды. Такимъ образомъ, уже къ 40-мъ годамъ XVII в. все восточное побережье Охотскаго моря было развѣдано. Въ 1648 г. Шелковниковъ уже заложилъ зимовье на устьѣ Охоты (Охотское). Не успѣли русскіе обосноваться на Ленѣ, какъ до нихъ достигли слухи объ Амурѣ, богатства котораго были, конечно, сильно преувеличены темными и неопредѣленными слухами. Въ 1642 г. якутскіе воеводы отправили на Амуръ письменнаго голову Пояркова со 130 казаками и одной полуфунтовой пушкой. Амурскіе инородцы, сначала весьма дружелюбно принявшіе Пояркова, скоро стали въ очень

*) По объясненію Миллера, коча (большая) имѣла 12 саженъ въ длину, съ палубой, нѣсколько плоскодонна.

враждебныя отношенія къ нему; онъ долженъ былъ спуститься внизъ по Амуру, выйти изъ устья этой рѣки и по Ульѣ и разнымъ волокамъ, послѣ трехлѣтней отлучки, добрался до Лены. Въ 1647 г. къ якутскому воеводѣ обратился бывшій устюжскій посадскій Ероѳей Хабаровъ съ заманчивымъ предложеніемъ покорить Амуръ и набрать для этого на собственный счетъ дружину изъ промышленниковъ и „гулящихъ людей“. Изъ этой категоріи былъ и самъ Хабаровъ, который, пришедши въ Сибирь, сначала занимался хлѣбопашествомъ на Енисеѣ, потомъ на устьѣ Киренги, затѣмъ вываривалъ соль въ Устькутѣ. Слухи объ амурскомъ золотѣ дѣйствовали еще заманчивѣе, чѣмъ объ якутскомъ соболѣ. Хабаровъ набираетъ до сотни человѣкъ. Первое путешествіе Хабарова имѣетъ, скорѣе, развѣдочный характеръ: едва коснувшись Амура, онъ возвращается въ Якутскъ, набираетъ еще до 117 охотниковъ, получаетъ отъ воеводы 21 казака и 3 пушки и снова отправляется на Амуръ. Въ 1651 г. Хабаровъ зимуетъ въ Албазинѣ и плаваетъ по Амуру занимаясь грабежомъ прибрежныхъ туземцевъ. Много кровавыхъ столкновеніе пришлось испытать отряду Хабарова. На помощь ему изъ Якутска присланъ былъ Чечигинъ съ 144 человѣками, но дѣло окончилось тѣмъ, что обѣ партіи раздѣлились и начали дѣйствовать отдѣльно. Между тѣмъ слухъ о сказочныхъ богатствахъ Амура дошелъ до Москвы, и оттуда былъ отправленъ дворянинъ Зиновьевъ для ознакомленія съ дѣломъ на мѣстѣ. Зиновьевъ отправилъ Хабарова въ Москву, а команду поручилъ казаку Степанову. Не получая уже помощи изъ Якутска, Степановъ долго держался на Амурѣ среди безпрестанныхъ стычекъ съ туземцами, и въ 1658 г. погибъ со всѣмъ своимъ отрядомъ. На Амуръ за это время съ Лены двигались и мелкіе отряды охотниковъ за золотомъ и дорогими мѣхами, но всѣ разсѣивались и погибали. Притѣсненія, которымъ подвергались туземцы отъ пришельцевъ, скоро возстановили противъ послѣднихъ все приамурское населеніе; русскіе уже не могли долѣе держаться въ этой отдаленной окраинѣ, и на цѣлыя 200 лѣтъ русское господство исчезло съ Амура.

Вверхъ по Ангарѣ и за Байкалъ енисейскихъ казаковъ влекло не столько желаніе объясачить бурятъ, сколько слухи о богатыхъ серебряныхъ рудникахъ, которые тамъ должны

открыться (очевидно, уже были слухи о богатыхъ рудахъ нынѣшняго Нерчинскаго уѣзда). Черезъ 10 лѣтъ послѣ основанія Енисейска, въ 1628 г., Бекетовъ заложилъ на Енисеѣ, далеко выше Енисейска, Рыбенскій острогъ, что было очень важно для производства дальнѣйшихъ развѣдокъ вверхъ по Енисею и Ангарѣ; и дѣйствительно, въ слѣдующемъ же году Бекетовъ двинулся по Ангарѣ, въ землю бурятъ. Въ томъ же году и по тому же пути двинулся изъ Енисейска Хрипуновъ, но съ другой цѣлью: онъ хотѣлъ Илимомъ пробраться на Лену. Перфирьевъ съ небольшимъ отрядомъ (30 казаковъ и 2 пушки) продолжалъ движеніе въ землю бурятъ, но первое его предпріятіе встрѣтило такое сильное сопротивленіе, что онъ вернулся къ устью Илима и только въ 1631 г. могъ заложить Братскій острогъ, при впаденіи Оки въ Ангару. Это было чрезвычайно важно для дальнѣйшаго движенія въ Забайкалье: 1) Братскій острогъ является сторожевымъ постомъ, прикрывавшимъ путь съ Енисея на Лену, 2) опорнымъ пунктомъ для сбора ясака съ бурятъ, 3) передовымъ развѣдочнымъ пунктомъ о земляхъ за Байкаломъ и, наконецъ, 4), наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для снаряженія экспедицій за Байкалъ. Въ 1638 г. тотъ же Перфирьевъ, поднявшись по Ленѣ и Витиму, производилъ развѣдки о Даурской землѣ (Забайкальѣ), а Власьевъ и Васильевъ, поднявшись вверхъ по Ленѣ, познакомились съ землей верхоленскихъ бурятъ и заложили Верхоленскій острогъ, которому не разъ серьезно угрожали окрестные буряты. Въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ все теченіе Ангары находилось уже въ русскихъ рукахъ, а въ 1652 г. Иванъ Похабовъ основалъ Иркутскій острогъ. Къ концу 40-хъ годовъ относится появленіе русскихъ за Байкаломъ—именно экспедиціи туда Ивана Колесникова и Галкина съ енисейскими казаками. Въ 1648 г. уже былъ основанъ Баргузинскій острогъ. Но серьезное занятіе Забайкалья произошло только въ 50-хъ годахъ, когда енисейскій воевода Пашковъ, собравъ о немъ возможно полныя свѣдѣнія, отправилъ туда Бекетова, отличившагося уже на Ленѣ. Бекетовъ ознакомился съ Хилокомъ, Ингодой, Селенгой, Шилкой, подчинилъ бурятъ у западнаго и юго-западнаго береговъ Байкала и заложилъ Иргенскій и Нерчинскій остроги. Наконецъ, съ именемъ Владиміра Атласова связывается занятіе отдаленнѣйшей

Камчатки въ самомъ концѣ XVII и въ самомъ началѣ XVIII вв. Но, повторяемъ, всѣ эти труды и подвиги первыхъ землеискателей по Ленѣ и ея притокамъ, по Ангарѣ, Амуру, въ Забайкальѣ, на крайнемъ сѣверо-востокѣ, словомъ, всюду въ восточной половинѣ Сибири,—не имѣли характера дѣйствительной, прочной колонизаціи, которую приноситъ лишь осѣдлый земледѣлецъ; они основывали свои опорные пункты, свои остроги, лишь тамъ, гдѣ удобнѣе всего было наблюденіе за объясаченными инородцами. Почти всѣ эти остроги существуютъ и до сего времени, превратившись въ города и большія селенія—и это указываетъ на вѣрность взгляда первыхъ землеискателей при основаніи остроговъ. Еще и теперь въ этихъ пунктахъ скучивается почти исключительно русское населеніе отдаленныхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ мѣстностей, значительно утратившее въ настоящее время чистоту первоначальнаго типа отъ долговременнаго смѣшенія съ окрестными инородцами.

Въ предшествовавшемъ изложеніи уже упоминалось о наиболѣе замѣтныхъ племенахъ сибирскихъ инородцевъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло первымъ землеискателямъ. Прибавимъ къ указаннымъ инородческимъ племенамъ алтайцевъ, въ теченіе почти всего XVII в. безпокоившихъ Томскій и Кузнецкій уѣзды, тунгусовъ, кочевавшихъ на огромномъ пространствѣ между Енисеемъ, къ югу отъ Нижней Тунгуски, и Алданомъ, ламутовъ вдоль береговъ Охотскаго моря; коряковъ къ сѣверу отъ Камчатки, гиляковъ въ низовьяхъ Амура. Сибирскіе инородцы и теперь занимаютъ приблизительно тѣ же территоріи, конечно, уже удалившись почти изъ всѣхъ мѣстностей, сколько-нибудь удобныхъ для земледѣлія, уже занятыхъ русскими. Ихъ численность въ XVII в. остается совершенно неизвѣстной. Къ 30-мъ годамъ XVII в. ясачныхъ инородцевъ въ 7 уѣздахъ по теченіямъ Оби, Иртыша, Тобола и Туры насчитывалось едва до 3000, между тѣмъ какъ Едигеръ въ 1555 г. показалъ въ 10 разъ больше. Очевидно, множество инородцевъ погибло при завоеваніи Сибирскаго царства Ермакомъ. Вскорѣ оспа и др. заразительныя болѣзни распространились между инородцами, по мѣрѣ ихъ знакомства съ русскими, и общее число ихъ по всей вѣроятности, значительно уменьшилось. Плохо вооруженные, разъединенные, не привыкшіе къ общимъ об-

ширнымъ предпріятіямъ, сибирскіе инородцы не могли представить землеискателямъ XVI и XVII вв. сколько нибудь серьезнаго сопротивленія. По своей природѣ аборигены Сибири были чрезвычайно мирны, кротки и довѣрчивы, и нужны были выдающіяся несправедливости и жестокости со стороны пришельцевъ, чтобы среди этихъ дѣтей природы вспыхивали возстанія. Какъ только русскіе основывали свои остроги въ инородческихъ земляхъ и начинали свою дѣятельность по сбору ясака—вскорѣ вспыхивали волненія. Въ самомъ концѣ XVII в. возстали вогуличи и остяки Березовскаго уѣзда, остяки нарымскіе и часть кетскихъ. Начало XVII в. было особенно обильно возстаніями инородцевъ. Съ одной стороны, бури Смутнаго времени мѣшали отправленію въ Сибирь служилыхъ людей въ прежнемъ количествѣ, и инородцы скоро замѣтили это; съ другой—сибирскіе воеводы и служилые люди болѣе чѣмъ когда либо чувствовали свою безконтрольность и безнаказанность, такъ какъ и центральной власти въ это тревожное время было уже не до нихъ. Они стремились какъ можно выгоднѣе для себя использовать свое положеніе и доводили поборы и притѣсненія до крайнихъ, неслыханныхъ раньше предѣловъ. Въ 1603 г. возстали кетскіе остяки, въ 1606 г.—обскіе и вогуличи по Кондѣ, въ 1604 г. татары Томскаго уѣзда, въ 1607 г.—сургутскіе остяки и пелымскіе вогуличи, въ 1608 г.—снова нерчинскіе и кетскіе, въ 1609—кузнецкіе татары и др. инородцы Томскаго уѣзда, въ 1612 г.—пелымскіе вогуличи, въ 1606, 1609, 1611, 1614 и 1616 гг. разразилось возстаніе киргизъ. Едва только русскіе утвердились на Ленѣ—въ 1634 и 1636 гг. вспыхнули якутскіе бунты. Въ 1645 г. возстаютъ юкагиры, въ 1648 и 1651 гг. верхоленскіе и приокскіе буряты; ихъ бунты повторяются въ 1688, 1695 и 1696 гг. Въ 1677 г. возстаютъ тунгусы отъ притѣсненій ясачнаго сборщика Юрія Крыжановскаго, въ 1655 г.—гиляки, въ 1699 г.—коряки. Но, какъ мы видѣли выше, всѣ возстанія инородцевъ, все ихъ сопротивленіе лишь на очень короткое время могли задержать распространеніе русскаго занятія и заселенія Сибири; сила ихъ сопротивленія была столь незначительна, что не могла устоять даже противъ малочисленныхъ партій казаковъ-землеискателей.

IV.

Значеніе земледѣльческой колонизаціи Сибири. Роль правительственной и вольно-народной колонизаціи. Отсутствіе разлада въ XVII в. между народнымъ колонизаціоннымъ творчествомъ и планами правительства. Характеръ правительственныхъ наказовъ объ отношеніи къ инородцамъ и основаніи опорныхъ пунктовъ. Типы поселеній. Основаніе деревень. Правительственное заселеніе Сибири служилыми людьми и „пашенными" крестьянами. Тяжелое положеніе послѣднихъ. Роль ссыльнаго элемента въ колонизаціи Сибири. Вольно-народная колонизація. Роль монастырей въ заселеніи Сибири. Промышленники и „гулящіе люди", какъ колонизаторы Сибири. Слободчики.

Обозрѣвъ въ хронологической и топографической послѣдовательности процессъ занятія русскими Сибири, вѣрнѣе сказать, ознакомленія съ нею и основанія въ ней опорныхъ пунктовъ,—обратимся къ разсмотрѣнію того болѣе важнаго, интереснаго и поучительнаго процесса, въ результатѣ котораго получилось къ концу XIX вѣка дѣйствительное занятіе Сибири русскимъ элементомъ, который въ настоящее время болѣе чѣмъ на $^3/_4$ превосходитъ численность аборигеновъ, дѣйствительное заселеніе края, начавшееся съ того момента, когда на почву завоеванной страны упало первое хлѣбное зерно завоевателя. Безъ колонизаціи земледѣльческой, усѣявшей край деревнями, занятіе Сибири одними военно-служилыми людьми и одними мѣхопромышленниками не имѣло бы поддержки и „стерлось бы, какъ смѣлый очеркъ, какъ замысловатый планъ, не получившій реальнаго осуществленія, какъ право на землю, очерченное ремнемъ воловьей шкуры, охватившее неизмѣримыя пустыни, но, по прежнему, оставившее ихъ безплодными", говоритъ Ядринцевъ. Заселеніе Сибири явилось результатомъ совмѣстнаго дѣйствія двухъ силъ — государственной и вольно-народной, дѣйствовавшихъ параллельно, опиравшихся одна на другую, хотя часто и безсознательно. Государство намѣчаетъ остроги, проводитъ линіи, пролагаетъ тракты и создаетъ, такимъ образомъ планъ и межи, ставитъ вехи и колья для колонизаціи. Вольно-народная колонизація, народъ-строитель, плотникъ, осуществляетъ планъ, заполняетъ всѣ промежутки и сѣтку колонизаціи живымъ матеріаломъ. Иногда народъ-плотникъ

поправляетъ правительство — архитектора, причемъ вехи, колья и планъ появляются уже послѣ того, какъ началась постройка. Въ XVII в. планы колонизаціи создавались не въ центральномъ учрежденіи, не въ Москвѣ, не въ Сибирскомъ приказѣ (учрежд. въ 1637 г.),—они какъ бы инстинктивно творились и осуществлялись на мѣстѣ, въ Сибири, представителями народнаго творчества, народнаго духа и силъ, когда тамъ столь явственно бился пульсъ народной массы, когда такъ громко журчалъ нижній потокъ народной жизни, впослѣдствіи перегороженный плотинами и заваленный историческимъ мусоромъ. Центральная администрація въ XVII в. лишь санкціонировала то, что создавалось на мѣстѣ народнымъ умомъ и творчествомъ; вотъ почему въ то время не дѣлалось промаховъ въ колонизаціи, не затрачивалось непроизводительно такого множества силъ, какъ это было въ XVIII в. и особенно въ XIX (примѣры наиболѣе яркіе — заселеніе Киргизскаго края и Амура). „Сколько-бы ни было употреблено изобрѣтательности и остроумія со стороны регламентаторовъ и администраторовъ, говоритъ Ядринцевъ, они не могутъ замѣнить народнаго ума, они не изыщутъ тѣхъ новыхъ путей и тропъ по своей картѣ, которые находитъ народъ среди лѣсовъ и пустынь, пролагая себѣ дорогу“. Но, повторяемъ, въ XVII в. не было разлада между народнымъ колонизаціоннымъ творчествомъ и правительственными планами; мѣстные воеводы и само центральное правительство своими наказами осуществляли то, что давно уже было намѣчено народнымъ творчествомъ. Кромѣ того, почти до 70-хъ годовъ XVII в. правительство не принимало никакихъ запретительныхъ мѣръ противъ проникновенія въ Сибирь тайной, вольно-народной колонизаціи, да и принятыя мѣры не давали почти никакихъ желательныхъ для правительства результатовъ. Такимъ образомъ, разсмотрѣніе мѣръ правительственной колонизаціи Сибири въ XVII в. знакомитъ съ процессомъ дѣйствительнаго заселенія страны, съ успѣхами колонизаціи прочной, оставившей вѣковые результаты.

Прежде всего правительство и землеискатели заботились о покореніи и подчиненіи инородцевъ, причемъ на первый разъ принимались самыя рѣшительныя мѣры. Въ наказѣ 1595 г. сургутскому воеводѣ Плещееву и письменному го-

ловѣ Колемину говорится, что инородцевъ необходимо объясачить, а если они будутъ „не послушны“, то требуется „промышлять, чтобъ ихъ повоевать и ясакъ собрать сполна и привесть ихъ подъ государеву руку, чтобы ихъ истращать и укрѣпить“. Въ наказѣ 1594 г. пелымскому воеводѣ кн. Горчакову рекомендуется „приманить“ непокорныхъ пелымскихъ инородцевъ, особенно ихъ князя Аблегерима, „что ему ничего не будетъ“. А „приманя“ Аблегерима, „самого князя и сына большого казнити, да съ ними человѣкъ 5—6 пущихъ, сыскавъ, казнить, а меньшаго сына и съ женою и съ дѣтьми взять съ собою въ Тобольскій городъ“. Этотъ характеръ наказовъ конца XVI в. на практикѣ опредѣлилъ характеръ отношеній землеискателей къ туземцамъ въ XVII в., хотя правительство все чаще и чаще запрещало относиться къ нимъ съ „жесточью“, рекомендуя „ласку“. При устройствѣ первыхъ опорныхъ пунктовъ среди инородцевъ, первыхъ остроговъ принимались въ разсчетъ чрезвычайно практичныя и вѣрныя соображенія: „чтобы ясачныя волости не отдалѣли“, чтобы мѣсто было не только „угоже и крѣпко и рыбно“, но и „пашенно, хотя не отъ велика“, „а гдѣ стоять городу, то мѣсто высоко, вода не подмываетъ, и мѣсто отъ рѣки, и обѣ стороны не отмываетъ“. Если далеко не вездѣ, особенно въ сѣверной части за-енисейской Сибири, можно было разсчитывать на пашню подлѣ острога, зато послѣдній всегда ставился въ удобномъ стратегическомъ пунктѣ, при сліяніи двухъ рѣкъ—всегда какой-нибудь большой и ея маленькаго притока. Русскіе опорные пункты въ Сибири XVII в. дѣлились на слѣдующія категоріи: города, остроги, зимовья (съ военнымъ характеромъ), деревни и слободы (съ характеромъ мирнымъ, земледѣльческимъ). Поселенія перваго типа создавались исключительно правительственной колонизаціей и всѣ были укрѣплены. Города состояли изъ двухъ частей: собственно „города“, какъ бы кремля, въ которомъ находились военные запасы, жили воеводы, была тюрьма для заложниковъ (аманатовъ) и строилась первая церковь. Къ „городу“ примыкалъ „острогъ“ или „посадъ“, въ которомъ жила часть гарнизона, „промышленные“ и „пашенные“ люди, гдѣ послѣдніе заводились. Все было окружено деревянными стѣнами съ башнями, а посадъ еще и рвомъ. Отдѣльные „остроги“ представляли укрѣпленія мень-

шихъ размѣровъ, съ менѣе значительнымъ гарнизономъ. Разросшись благодаря возникшему посаду, они превращались въ города. Когда въ западной половинѣ Сибири, по сосѣдству съ киргизами, достаточно развилось земледѣліе, то въ опасныхъ мѣстахъ строились маленькіе острожки, для наблюденія и охраны, куда небольшіе гарнизоны изъ сосѣднихъ городовъ и остроговъ посылались лишь временно, на лѣто и осень, до уборки хлѣба, „пока снѣги большіе укинутъ". Зимовья были совсѣмъ маленькіе пункты, преимущественно въ восточной половинѣ Сибири. По мѣрѣ заселенія, при какихъ либо выяснившихся преимуществахъ положенія, зимовья превращались въ остроги, а нѣкоторыя даже и въ города (Иркутскъ, напр., выросъ изъ простого зимовья). Деревни, въ основаніи которыхъ болѣе замѣтна частная иниціатива, обыкновенно основывались въ первое время около городовъ служилыми людьми, которыхъ правительство надѣляло землею, или посадскими, или крестьянами, которыхъ правительство сажало на пашню. Поэтому первыя деревни почти всегда состояли только изъ одного двора, принадлежали только одному владѣльцу. Съ теченіемъ времени основаніе деревень утратило первоначальный какъ бы обязательный характеръ; населеніе поняло всѣ выгоды, соединенныя съ прочнымъ и осѣдлымъ земледѣльческимъ трудомъ, само заводило починки, заимки. По мѣрѣ того, какъ стала увеличиваться безопасность мирнаго труда въ хлѣбородной части западной половины Сибири, какъ началъ усиливаться притокъ туда изъ Россіи мирныхъ тружениковъ-земледѣльцевъ, стали основываться селенія цѣлыми, такъ сказать, колоніями выходцевъ, часто бѣглецовъ, и уже не на глазахъ мѣстныхъ воеводъ, а тайно, въ укромныхъ мѣстахъ, и неожиданныя открытія цѣлыхъ деревень случались въ Сибири до послѣдняго времени. Основаніе слободъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, происходило исключительно по частной иниціативѣ.

Выше мы указали на извѣстную хронологическую и топографическую послѣдовательность въ занятіи Сибири, въ ознакомленіи съ ней въ теченіе XVII в.; но это касается лишь проникновенія въ нее русскаго элемента, завладѣнія ею. Въ вопросѣ же колонизаціи ея осѣдлымъ элементомъ, дѣйствительнаго заселенія ея мирными тружениками-земле-

дѣльцами, такой послѣдовательности не замѣчается. Такого рода колонизація одновременно зачиналась въ разныхъ мѣстахъ: и у Верхотурья, и у Тары, и у Тобольска, Тюмени, Томска, Енисейска, Иркутска, по Иртышу и по Ангарѣ. Постепенность заселенія можно наблюдать лишь въ колонизаціи уѣзда: она шла въ разныя стороны отъ города, какъ отъ центра, лучами, конечно, въ зависимости отъ почвенныхъ условій, но также по теченіямъ рѣкъ и рѣчекъ.

Правительственная колонизація Сибири, какъ служилая такъ и чисто земледѣльческая, происходила двумя способами: „по прибору" и „по указу". „Приборъ" производили обыкновенно воеводы, назначаемые въ Сибирь: они „прибирали" и крестьянъ, и „охочихъ людей" въ стрѣльцы и казаки, и священниковъ, обѣщая всѣмъ имъ различныя льготы. Въ 1631 г., напр., въ поморскихъ городахъ было „прибрано" 500, въ 1635 г. въ Устюгѣ 50 служилыхъ людей. Сначала „прибирался" сотникъ, который приглашалъ десятниковъ, тѣ—рядовыхъ казаковъ или стрѣльцовъ. Десятники и „прибранные" имъ люди давали „поручныя записи": „Се азъ, десятникъ NN, да его десятка (такіе то) поручились есмя промежъ себя всѣмъ десяткомъ, десятью человѣки, другъ по друга у сотника N въ томъ: быти намъ на государевѣ службѣ въ городѣ N на житьѣ въ стрѣльцахъ (или конныхъ или пѣшихъ казакахъ) и государева служба служити, а не воровати, корчмы и блядни не держати и зернью не играти и не красти и не бѣжати, а кто изъ насъ изъ 10 человѣкъ сбѣжитъ и на насъ на порутчикахъ, на мнѣ, на десятскомъ и на товарищахъ моихъ, государево жалованье, денежное и хлѣбное и пеня государева, а въ пенѣ, что государь укажетъ, а наши порутчиковы головы въ голову мѣсто". Положеніе переселенцевъ въ городахъ на первое время было очень тяжелымъ, какъ показываетъ челобитье пелымскихъ „жильцовъ" 1595 г.: они „служили всякія службы, конныя и пѣшія, и на караулахъ въ городѣ и острогѣ, и на всякія ихъ посылки посылаютъ, и около города острогъ и башни ставили и ровъ около острога выкопали и за пашенными за всякими людьми въ приставствѣ ходятъ и жнутъ и за запасы посылаются. Да имъ же велѣно нарубити и крыти Пелымскій городъ, а они городъ рубити и крыти не умѣютъ и плотничная имъ рубня не въ обычай". Конечно, такое поло-

женіе „жильцовъ“ было не въ одномъ Пелымѣ. Но чаще служилые люди посылались „по указу“, безъ всякихъ поручныхъ записей, и принимали присягу на мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ допускались и „наймиты“. Служилые люди всѣхъ категорій въ теченіе всего XVII в. получили денежное, хлѣбное и соляное жалованье. Въ западной половинѣ Сибири хлѣбное жалованье стало мало по малу замѣняться раздачей пашенъ и покосовъ. Элементъ ссыльный въ Сибири XVII в. отчасти примыкалъ къ служилой, отчасти къ земледѣльческой колонизаціи. Въ этомъ столѣтіи ссылка въ Сибирь не носила такого характера, какой пріобрѣла потомъ; экономные московскіе цари, при малолюдствѣ своей обширной страны, особенно безпредѣльной Сибири, старались употребить съ пользой каждаго человѣка, и потому преступники, ссыльные, верстались или въ служилые люди, или сожались на пашни; заключеніе въ тюрьму являлось случаемъ крайне рѣдкимъ.

Въ 1621 г., напр., сосланъ былъ въ Сибирь казачій атаманъ Митька. „А довелся тотъ Митька, говорится въ царскомъ указѣ-грамотѣ, за измѣну смертной казни, но мы его помиловали, смертную казнь ему отдали, велѣли поселить его на житье въ Сибирь и устроить въ службу, въ какую пригодится“. До половинѣ XVII в. изъ русскихъ подданныхъ было сослано въ Сибирь (только по уцѣлѣвшимъ документамъ) до 850 человѣкъ; изъ нихъ инородческаго происхожденія до сотни, 366 „черкасъ“, остальные—великоруссы. А въ 1593—1645 гг. сослано было всего до 1500 человѣкъ; нѣкоторые изъ нихъ были съ женами и съ семьями. Первыми ссыльными въ Сибирь съ цѣлью заселенія были каргопольцы (1593 г.), за которыми вскорѣ послѣдовали угличане (до 30 семей). Михаилъ Ѳеодоровичъ началъ систематически пользоваться ссылкой для заселенія края. Изъ сосланныхъ 560 человѣкъ въ десятилѣтіе (1614—1624) 109 были поверстаны на службу, 348 посажены на пашню, 2 опредѣлены въ посадскіе и только 19 посажено въ тюрьму. Около 1640 г. было отправлено 179 человѣкъ бѣлогородскихъ измѣнниковъ черкасъ, въ 1635 г.—164 человѣка крестьянъ изъ Смоленскаго и Ярославскаго уѣздовъ; тѣ и другіе были съ женами и дѣтьми. Ссыльные изъ иноземцевъ верстались на службу, и такъ какъ они были грамотнѣе и развитѣе дру-

гихъ, то быстро двигались по службѣ. При Мих. Ѳеод. изъ нихъ было много боярскихъ дѣтей. Русскіе ссыльные препровождались обыкновенно всѣмъ домомъ—съ братьями, зятьями, племянниками. Ссылая въ Сибирь какого нибудь „разбойника“ или „душегуба“, царь приказывалъ мѣстному воеводѣ поверстать его въ службу и дать ему царское хлѣбное и денежное жалованье наравнѣ съ другими служилыми людьми или устроить въ пашенные крестьяне, причемъ надѣлить его значительнымъ кускомъ земли, дать денегъ для перваго хозяйственнаго обзаведенія и выдавать „мѣсячину“ изъ царскихъ житницъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ имѣть хлѣба со своей пашни, а первыя сѣмена ссыльный получалъ изъ царскихъ житницъ. Ссыльный пользовался личной свободой и всѣми правами, присвоенными ему по прежнему состоянію; только пашня или служба была его непремѣннымъ обязательствомъ, но и всѣ русскіе люди того времени тянули свое тягло. На первое время ссыльный поселялся во дворѣ крестьянина, но это было лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не ставилъ своего собственнаго двора, потомъ 1—2 года онъ жилъ въ качествѣ половника, по уговору, послѣ чего становился совершенно самостоятельнымъ хозяиномъ. Карой въ нашемъ смыслѣ ссылка сдѣлалась только въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича и въ этой формѣ принесла большой вредъ Сибири. Ссыльные поселялись въ мѣстностяхъ, въ которыхъ правительство хотѣло водворить земледѣліе; послѣ основанія Балаганскаго острога тамъ въ 1654 г. было водворено 35 семей московскихъ ссыльныхъ; немало ссыльныхъ было тамъ изъ „новоприбранныхъ“ крестьянъ. На Чечуйскомъ волокѣ (Н. Тунгуска и Чона-Вилюй и Лена) въ числѣ 7 поселенныхъ тамъ человѣкъ 4 было изъ ссыльныхъ „черкасъ“. Среди ссыльныхъ служилыхъ людей было много иноземцевъ—поляковъ, нѣмцевъ, вносившихъ въ сибирскую жизнь повышенное чувство личности и вообще болѣе культурныя начала. Служилые иноземцы изъ ссыльныхъ пользовались даже нѣкоторымъ самоуправленіемъ: тобольская литва въ 1628 г. била челомъ государю объ утвержденіи избраннаго ею въ ротмистры Григорія Чернаго. Вообще ссыльные служилые и ссыльные земледѣльцы играли довольно замѣтную роль въ исторіи заселенія Сибири въ XVII в.

Съ самыхъ же первыхъ лѣтъ занятія Сибири, даже ея небольшого сѣверо-западнаго угла, для правительства сдѣлалась ясна необходимость того, чтобы земледѣлецъ сопутствовалъ воину и поддерживалъ его. Поэтому съ самыхъ первыхъ лѣтъ правительство чрезвычайно интересовалось вопросомъ о заведеніи въ Сибири собственнаго, мѣстнаго хлѣбопашества, о земледѣльческой колонизаціи страны, такъ какъ безъ этого принуждено было снабжать сибирскихъ служилыхъ людей хлѣбнымъ жалованьемъ изъ пермскихъ и вятскихъ уѣздовъ, которые сами не имѣли избытка въ хлѣбѣ Первый указъ въ этомъ смыслѣ состоялся еще въ 1590 г.: по царскому указу изъ Сольвычегодскаго уѣзда было переведено въ Сибирь 30 крестьянскихъ семей, причемъ каждому хозяину дана была „подмога": „по 3 мерина добрыхъ да по 3 коровы, да по 2 козы, да по 3 свиньи, да по 5 овецъ, да по 2 гуся, да по пятеру куровъ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да сохи со всѣмъ для пашни, да телѣга да сани, и всякая житейская рухлядь." На каждую семью дано было по 25 р. денегъ. Впрочемъ, столь щедрая подмога дана была въ первый и, кажется, единственный разъ. Крестьянъ, какъ и служилыхъ, посылали въ Сибирь также „по прибору" и „по указу". „Прибирали" ихъ въ тѣхъ же поморскихъ городахъ воеводы или спеціальные агенты правительства. Иногда „приборъ" возлагался на волость въ видѣ повинности, и сами жители давали „прибраннымъ" „подмогу", разверстывая ее „посошно". «Подмога» доходила до 50 р., а иногда до 135 р. Переселяемымъ „по указу" помощь давало правительство, и они вербовались изъ крестьянъ дворцовыхъ волостей («переведенцы»). Несмотря на льготы, переселеніе какъ «по прибору», такъ и „по указу" являлось повинностью тяжелой, обременительной: въ перспективѣ были не только лишенія и труды въ новомъ, суровомъ краю, но и то тягло, которое должны были тянуть переселенцы, обязательная «государева пашня», для которой ихъ и переселяли. Дѣйствительность оправдывала ихъ опасенія. Вотъ, напр., что пишутъ въ своей „мірской" челобитной енисейскіе пашенные крестьяне, 54 человѣка: пришли они сюда „съ Москвы наги и босы", посажены на государеву пашню, получили по 10 р. „подмоги", потраченные ими на сошники, колья, топоры и „на всякій пашенный заводъ", „а на

платьишко тѣхъ денегъ и не стало", такъ что пришлось занимать деньги у торговыхъ и промышленныхъ людей; на каждаго государевой пашни положено „въ полѣ по десятинѣ, да въ двухъ потому же, да сѣна класть по 30 копенъ". Ихъ заставили дѣлать „острожныя подѣлки, ходить на подводахъ изъ Енисейска въ Маковскій острогъ, перевозить хлѣбные государевы запасы черезъ волокъ, который „великъ и грязенъ". Въ Красноярскій острогъ они должны возить запасы— „гоньба немѣрная", лошади падаютъ. „А людишки мы одинокіе, женъ и дѣтей у насъ нѣтъ", сами должны заниматься и домашними работами, а въ отсутствіе ихъ „подворишка пусты стоятъ". Крестьянъ отправляли на первое время безъ семействъ, безъ женъ. Енисейскіе пашенные крестьяне жаловались въ 1627 г.: „Какъ государь, съ твоей государевой пашни придемъ, хлѣба печемъ и ѣсти варимъ и толчемъ и мелемъ сами, опочиву нѣтъ ни малъ часъ! А кабы, государь, у насъ, сиротъ твоихъ, женишки были, и мы бы хотя избныя работы не знали". „Государевы разныя издѣлія" также были очень тяжелы для крестьянъ. „Какъ мы, сироты, пишутъ въ своей челобитной туринскіе крестьяне въ 1632 г., твой десятинный хлѣбъ пожали, посвязали и въ скирды поклали, то воевода заставилъ насъ старую тюрьму поправлять и около тюрьмы тынъ ставить, да въ то же время велѣлъ намъ на твои десятины навозъ возить, а какъ навозъ возили, велѣлъ намъ же молотить десятинный хлѣбъ, да въ то же время на гостинномъ дворѣ мы рубили избу и поставили совсѣмъ наготово на воеводскомъ дворѣ горницу да избу". „И за тѣми великими издѣліями, продолжаютъ челобитчики, нашъ хлѣбъ на полѣ застоялся, осыпался, и мышь поѣла, и мы, сироты твои остались безъ хлѣба и безъ сѣмянъ". Кромѣ того, эти крестьяне должны были возить лѣсъ, „солоды ростить", дрова возить, сѣно косить и возить, дѣлать вѣники, драть лыко. Но и эта, повидимому, столь однородная и одинаково обремененная крестьянская масса дѣлилась на категоріи лицъ съ большей и меньшей экономической самостоятельностью. Выше мы уже упоминали о ссыльныхъ, которые сначала приселялись къ крестьянскимъ дворамъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, напр., по Иртышу, въ 1623 г. были „половники" на сроки отъ 6—8 лѣтъ, и „складники", на сроки болѣе продолжительные (лѣтъ по

10), которые послѣ срока брали „во всемъ половину живота". Въ „половники" и «складники» обыкновенно приписывались „гулящіе люди", желавшіе зажить осѣдло. Несмотря на скудость крестьянскаго населенія Сибири въ XVII в., правительство иногда приказывало брать крестьянъ съ насиженныхъ уже мѣстъ и посылать ихъ въ новыя. Такъ, въ 1632 г. предписано было воеводамъ пашенныхъ городовъ тобольскаго разряда выбрать 100 человѣкъ „добрыхъ, зажиточныхъ и семьянистыхъ" и послать ихъ въ Томскъ и въ остроги томскаго разряда. Впрочемъ, до 10% назначенныхъ разбѣжалось, напугавшись томской посылки. Эти внутреннія насильственныя передвиженія крестьянъ совершались и въ послѣдующее время, особенно когда нужно было завести пашни по Ангарѣ, около Иркутска, въ Забайкальѣ. Пространство между Турой и Исетью сравнительно уже густо заселилось ко 2-й половинѣ XVII в. и стало представлять собою уже какъ бы резервуаръ для «прибора» оттуда крестьянъ. Хотя жизнь сибирскаго города въ то время носила сельскій характеръ, такъ какъ огромное большинство занималось земледѣліемъ, но почти въ теченіе всего XVII в. Сибирь не могла кормиться своимъ хлѣбомъ, который и привозился туда изъ ближайшихъ приуральскихъ мѣстностей. Изъ поморскихъ городовъ доставлялись „сошные запасы" въ Верхотурье и оттуда разсылались по Сибири. Вотъ почему въ Верхотурьѣ было такъ развито сооруженіе дощаниковъ, на которыхъ хлѣбъ по Турѣ и Тоболу доставлялся въ Тобольскъ. Вольно-народная земледѣльческая колонизація, повидимому, шла значительно быстрѣе правительственной. Сибирь скоро стала считаться (и была на самомъ дѣлѣ) такой страной, въ которой могли найти пріютъ и успокоеніе всѣ, недовольные своей прежней жизнью. Въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, правительственныхъ и торговыхъ, вились черезъ Уралъ многочисленныя тайныя тропы, по которымъ въ Сибирь проникали разные преступники, раскольники, бѣглые крѣпостные люди, избѣгавшіе рекрутчины и платежа государственныхъ повинностей, вообще всѣ, считавшіе болѣе удобнымъ для себя жить въ привольныхъ, никѣмъ не занятыхъ обширныхъ пространствахъ Зауралья, главнымъ образомъ, конечно, въ прилежащихъ частяхъ нынѣшней Тобольской губ. Бѣг-

лецы обыкновенно селились гдѣ нибудь въ урманѣ (густой лѣсъ, перемежающійся озерами и болотами), строили заимки, впослѣдствіи превращавшіяся въ деревни и села, расчищали лѣсъ, заводили пашни и жили иногда по нѣскольку лѣтъ, не будучи извѣстны правительству. Воеводы, случайно открывая подобные поселенія, налагали на нихъ государственныя повинности, но не сообщали объ этомъ въ Москву, имѣя въ виду свои выгоды: деревни эти представляли постоянный источникъ дохода лично для воеводъ.

Въ первое время московское правительство довольно благосклонно смотрѣло на эти самовольныя переселенія; такъ, указомъ 1597 г. повелѣно было бѣжавшимъ за 6 лѣтъ и болѣе, кому бы они ни принадлежали, оставаться на занятыхъ ими мѣстахъ. Только въ 1683 г. послѣдовалъ указъ, въ силу котораго запрещалось пропускать въ Сибирь безъ государевыхъ проѣзжихъ грамотъ. Съ 1680—1686 г. вольнонародная колонизація направлялась въ Сибирь цѣлыми большими партіями, какъ свидѣтельствуетъ историкъ Словцовъ („Историческое Обозрѣніе Сибири“) и объясняетъ это волненіями, происходившими въ то время среди крѣпостныхъ крестьянъ, а также гоненіями послѣ строгихъ указныхъ статей 1685 г., направленныхъ противъ старообрядцевъ. Не смотря на правительственныя „заставы“, на самомъ дѣлѣ не было возможности помѣшать самовольнымъ переселеніямъ даже цѣлыми массами на длинной линіи между Верхотурьемъ и Исетью. Водворившись на избранныхъ мѣстахъ, новые переселенцы старательно, конечно, уклонялись отъ соприкосновенія съ городами и властями и были открываемы лишь случайно. При одной только правительственной колонизаціи Сибирь, конечно, не могла бы такъ наполниться русскимъ элементомъ, какъ это оказалось въ концѣ XVII в. *). Даже само правительство иногда открыто примирялось съ несоблюденіемъ его указовъ на этотъ счетъ. Въ 1697 г., напр., царь въ наказѣ верхотурскому воеводѣ не изъявляетъ неудовольствія по случаю массоваго прихода крестьянъ изъ-за Урала, вслѣдствіе неурожая, а повелѣваетъ опредѣлить ихъ на десятинную пашню. Наказъ нерчинскому воеводѣ доказы-

*) Общую численность русскаго населенія Сибири къ концу XVII в. нельзя пока указать даже приблизительно, хотя Словцовъ выводитъ точную цифру: 229227 обоего пола (1710 г.).

ваетъ, что тамошній край предполагалось заселить крестьянами, съ семьями и въ большихъ толпахъ бѣжавшими въ Сибирь.

Монастыри, которыхъ въ теченіе XVII в. въ Сибири было основано не менѣе 37 (къ концу столѣтія 21 изъ нихъ были уже упразднены), сыграли нѣкоторую роль въ дѣлѣ заселенія страны. Очень часто можно замѣчать, что лишь только полагалось основаніе какому-либо городу или острогу, вблизи него зарождался и монастырь, а иногда и два—мужской и женскій. Такъ какъ правительство находило нужнымъ снабжать Сибирь и духовными лицами, то оно назначало туда священниковъ и церковниковъ, очень часто вопреки ихъ желанію. Казачьи партіи, отправляемыя изъ Россіи, обыкновенно сопровождали духовныя лица; бывало нерѣдко, что они сопровождали и воеводъ. Такимъ образомъ, оказывались въ Сибири „старцы", желавшіе быть основателями, „строителями" монастырей. Правительство прирѣзывало каждому новому монастырю землю и оказывало ему помощь. „Новая пустынь", напр., на р. Кети представляетъ типичный примѣръ зарожденія сибирскихъ монастырей: ей положилъ начало строитель, старецъ Илья, съ тремя работными людьми, „А строится въ той пустыни часовня да двѣ избы". Тобольскій Успенскій монастырь получилъ всю рѣку Вагай съ обоими берегами, и, чтобы округлить владѣніе, монахи потѣснили окрестныхъ инородцевъ. Въ 1621 г. монахи начали дѣятельно заниматься заселеніемъ своего владѣнія: они не только приглашали къ себѣ „гулящихъ людей", но ихъ агенты „прибирали" крестьянъ даже въ Россіи. Въ 1642 г. на монастырской землѣ было водворено 133 крестьянъ, да еще въ 10 другихъ деревняхъ было 27 дворовъ съ 52 половниками и бобылями. Тобольскій софійскій монастырь также пріобрѣлъ много земли и устроилъ деревни. Къ концу царствованія Михаила Өеодоровича за тобольскимъ монастыремъ и Софійскимъ соборомъ было 650 взрослыхъ крестьянъ и тысяча десятинъ земли. Заселеніе монастырскихъ земель шло энергично и часто при помощи противозаконныхъ пріемовъ. Монастырскіе крестьяне были свободны отъ тяжелыхъ „государевыхъ издѣлій", и это представляло столь соблазнительную льготу, что правительство начало наконецъ сокращать число монастырей, упразднять ихъ, какъ мы видѣли выше.

Выше было указано, какую замѣтную роль играли въ заселенiи Сибири промышленники, которые въ своихъ поискахъ дорогихъ мѣховъ очень часто шли впереди казаковъ-землеискателей. Наиболѣе предпрiимчивые изъ этихъ промышленниковъ собирали цѣлыя вольныя дружины и углублялись въ неизвѣданныя еще дебри сибирской тайги. Эти дружины легко формировались изъ множества „гулящихъ людей“, неудержимо стремившихся въ Сибирь въ теченiе всего XVII в. Бѣглые тяглые люди, холопы, преступники, тайкомъ проникавшiе въ Сибирь и не успѣвшiе приписаться тамъ ни къ какому общественному классу, составили въ новомъ краю огромный контингентъ лицъ, которыя приписывались къ городамъ, въ качествѣ посадскихъ, садились на государеву пашню, зачислялись воеводами въ служилые люди, шли въ промысловыя артели, смотря по обстоятельствамъ и личнымъ вкусамъ. Воеводы писали про нихъ: „Все мужики схожiе изъ разныхъ городовъ“, „отъ всякаго воровства бѣгаютъ“. Поморскiе города и уѣзды давали особенно много „гулящихъ людей“. По мѣрѣ распространенiя привлекательныхъ слуховъ о сибирскомъ просторѣ, привольѣ и свободѣ, особенно много стало перебѣгать туда крестьянъ изъ строгановскихъ вотчинъ, такъ что уже въ 1620 г. Строгановы жаловались царю на сосѣднихъ сибирскихъ воеводъ, укрывавшихъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ. „Гулящiе люди“ первое время послѣ прихода тянули больше къ городамъ, гдѣ занимались поденной работой или пристраивались въ работники, предпочитая продавать свой трудъ на время—лѣто, зиму, годъ Труднѣе всего было посадить этотъ кочевой людъ на пашню, такъ что мѣры для прикрѣпленiя „гулящихъ людей“, принятыя при Алексѣѣ Михайловичѣ, не привели къ желательнымъ результатамъ: число ихъ въ Сибири было такъ велико, что они составляли какъ бы особенную, признанную экономически-правовую группу населенiя. Когда въ 1640 г. томскiй и туринскiй воеводы набрали ихъ насильно и послали въ Верхотурье строить суда, а за отказъ посадили въ тюрьму, то они жаловались царю и писали въ своей челобитной: „мы, сироты твои, нигдѣ судовъ не дѣлывали, судового дѣла ничего не знаемъ“. Изъ велѣно было освободить и „сыскать“, почему воеводы не собрали такихъ людей, „которые плотничать умѣютъ, а послали въ ихъ мѣсто

неумѣющихъ и гулящихъ ярыгъ, а не плотниковъ". Съ теченіемъ времени въ западной половинѣ Сибири, особенно въ городахъ, число „гулящихъ людей" все уменьшается: тамъ они все болѣе и болѣе захватываются тягловой сѣтью, но чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ они замѣтнѣе и переходятъ въ XVIII в. Тѣ изъ „гулящихъ людей", которые происходили изъ владѣльческихъ крестьянъ въ Россіи, охотно пристраивались въ слободы, заводимыя предпріимчивыми частными лицами, слободчиками. Примѣръ служилыхъ людей, получившихъ землю за ихъ службу при общемъ недостаткѣ въ хлѣбѣ во всей Сибири того времени, побудилъ предпріимчивыхъ людей, владѣвшихъ нѣкоторымъ достаткомъ, заводить хозяйства въ обширныхъ размѣрахъ, и правительство пошло на встрѣчу подобной предпріимчивости. Слободчики получали отъ правительства право заселять данныя имъ земли вольными, „охочими" людьми на свой счетъ на извѣстныхъ договорныхъ условіяхъ съ поселявшимися на ихъ участкахъ, за что получали для себя и своихъ крестьянъ разныя льготы по платежамъ и повинностямъ. Не мало населенныхъ пунктовъ въ Сибири обязано своимъ возникновеніемъ слободчикамъ. Въ 1660 г., напр., енисейскій слободчикъ Распута Потаповъ, поселившійся въ окрестностяхъ Братскаго острога, проситъ произвести его въ боярскія дѣти за разныя заслуги: распашка земли обошлись ему въ 300 р., въ 1656 г. по его „провѣдыванью" около его заимки поселилось до 70 пашенныхъ крестьянъ, онъ помогалъ хлѣбомъ Бекетову и Пашкову во время ихъ даурскихъ походовъ. За все это онъ проситъ назначить его приказчикомъ Нижнебратскаго острога, «вѣдать" прежнихъ крестьянъ, „вновь прибирать безъ твоего государева подмогу и безъ ссуды—изо льготы". Хотя Потапова и не назначили приказчикомъ, но онъ могъ „призывать" крестьянъ. Слободъ особенно много было въ старыхъ, приуральскихъ мѣстностяхъ Сибири, гуще заселенныхъ; напр., къ половинѣ XVII в. въ Верхотурскомъ уѣздѣ было до 10 слободъ. Предпріимчивые частные колонизаторы пытались завести пашни въ обширныхъ размѣрахъ и за Байкаломъ. Хабаровъ въ 1668 г. проситъ отправить его вновь на даурскую службу „для городовыхъ и острожныхъ поставокъ и для поселенья и хлѣбныя пахоты", для чего предлагаетъ „поднять на своихъ про

торѣхъ“ и „на своихъ судахъ“ 100 человѣкъ. Но слободчики не превратились съ теченіемъ времени въ наслѣдственныхъ владѣльцевъ слободъ, какъ не превратились въ помѣщиковъ и сибирскіе служилые люди; съ одной стороны, правительство не раздавало землю въ Сибири не только въ вотчину, но и въ помѣстье, а лишь во временное пользованіе на началахъ весьма неопредѣленныхъ, а съ другой— въ Сибири не было прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ на частновладѣльческомъ правѣ; да этого и фактически не возможно было бы достигнуть, принимая во вниманіе составъ первоначальнаго русскаго населенія Сибири.

V.

Общая картина русскаго заселенія Сибири въ самомъ концѣ XVII в. Отличіе заселенія Сибири отъ заселенія Поволжья и южной окраины. Общія черты сходства и различія сибирской колонизаціи отъ испанской въ Центральной и Южной Америкѣ и англо-саксонской въ сѣверной части американскаго континента.

Разсмотрѣвъ элементы русской колонизаціи Сибири въ XVI и XVII столѣтіяхъ, познакомимся съ общей картиной распредѣленія по Сибири русскихъ населенныхъ пунктовъ, въ самомъ концѣ XVII в., какъ это показано въ „Чертежѣ“ Ремезова, составленномъ въ то самое время. Вверхъ и внизъ по Иртышу въ предѣлахъ Тарскаго уѣзда показанъ одинъ острогъ и нѣсколько деревень, вверхъ по Ишиму и Ошѣ также отмѣчено нѣсколько слободъ и деревень, какъ и по р. Тарѣ (около устья) и по ближайшимъ къ городу рѣчкамъ. Въ первое время около Тары совсѣмъ не было пахотныхъ крестьянъ; деревни (чаще всего въ одинъ дворъ) принадлежали служилымъ людямъ, занимавшимся хлѣбопашествомъ. Русское населеніе уѣзда увеличивалось очень медленно и состояло преимущественно изъ служилыхъ людей. Для защиты отъ нападеній киргизъ и „кучумовыхъ внучатъ“ было построено нѣсколько острожковъ, которые занимались небольшими гарнизонами (20—30 чел.) лишь въ опредѣленное время года. Въ Тюменскомъ уѣздѣ деревни располагались около города, гуще къ сѣверу, чѣмъ къ югу. Въ Пелымскомъ уѣздѣ деревни идутъ больше внизъ по Тавдѣ (стрѣлецкихъ дѣтей). Въ сѣверныхъ уѣздахъ, Бере-

зовскомъ и Сургутскомъ, русскихъ поселенiй, кромѣ городовъ, не было совсѣмъ, а въ Нарымскомъ они появляются лишь на югѣ, по притокамъ р. Парабели. Въ Тобольскомъ уѣздѣ деревни располагались вверхъ и внизъ по Иртышу и его притокамъ. Спаѳарiй, путешествовавшiй въ 1675 г., говоритъ, что по Иртышу въ то время было до 20 деревень, называвшихся, очевидно, по именамъ основателей-колонизаторовъ: Смирнова, Ильина, Семенова и т. п. Первыя деревни основывались горожанами — боярскими дѣтьми, подъячими, духовными и населялись ихъ родственниками и дворовыми, если они приводили ихъ съ собой изъ Россiи. Гулящiе и ссыльные принимались половниками на извѣстный срокъ. Въ 1692 г. въ Тобольскомъ уѣздѣ было всего 267 дворовъ, 435 взрослыхъ мужчинъ — такъ медленно шло заселенiе. Избрандесъ, путешествовавшiй въ 1692 г., записалъ, что по берегамъ Иртыша „множество деревень имѣется“. Самымъ населеннымъ уѣздомъ въ то время былъ Верхотурскiй, представлявшiй густую сѣть русскихъ поселенiй, особенно къ зауральской сторонѣ. Служилые люди, монастыри, посадскiе, духовные, ямскiе охотники, крестьяне — всѣ являлись колонизаторами этого уѣзда: пашни подлѣ города скоро были всѣ заняты, почему горожане заводили „отъѣзжiя“ пашни, на которыя сажали, въ качествѣ половниковъ, своихъ родственниковъ и „гулящихъ людей“. Изъ этихъ „деревень“, вѣрнѣе, хуторовъ, впослѣдствiи выросли села. Когда семьи увеличивались — нѣкоторые члены отдѣлялись и основывали новые хутора. Уже въ 1624 г. въ Верхотурскомъ уѣздѣ было 2 слободы и 149 деревни съ 1273 человѣками, не считая 49 захребетниковъ, половниковъ и бобылей. Населенiе Верхотурскаго уѣзда увеличивалось такъ замѣтно, что оттуда брали крестьянъ въ дальнiя мѣста Сибири. Уѣзды Томскiй и Кузнецкiй представляли въ то время старый оазисъ русской колонизацiи въ Сибири. Деревни шли тамъ вверхъ и внизъ по теченiю Томи (Томск. уѣздъ) и по ея притокамъ. Внизъ по Оби деревень почти не было, но онѣ уже встрѣчаются вверхъ по этой рѣкѣ. Уже много деревень оказалось по теченiямъ Яи и Кiи. Въ Томскiй уѣздъ колонизацiя двигалась потому, что, по слухамъ, „въ Томскѣ землями довольно и мѣсто хлѣбородное“, „своею охотою“, „отъ голоду“, а „не отъ церковнаго раскола“.

Кузнецкій уѣздъ былъ заселенъ очень слабо. Вверхъ по Томи селеній почти не было, и ихъ было очень не много по притокамъ Томи, около Кузнецка. Третью группу представляли уѣзды Енисейскій и Красноярскій. Въ первомъ деревни шли больше вверхъ по Енисею, чѣмъ внизъ, ближе къ городу, по Кети, Тасѣевой, Ангарѣ. Спаѳарій считаетъ въ Енисейскомъ уѣздѣ до 570 деревень, что едва ли вѣроятно. Избрандесъ говоритъ, что Енисейскъ былъ окруженъ деревнями и монастырями. Въ Красноярскомъ уѣздѣ деревни тянулись внизъ по обоимъ берегамъ Енисея; вверхъ по рѣкѣ показанъ только одинъ Верхній Караульный острогъ. Замѣтны деревни и по Кану. Ангара, по берегамъ которой уже зародилась русская земледѣльческая колонизація соединяетъ съ иркутскимъ ея енисейско-красноярскій районъ. Селенія шли вверхъ по Ангарѣ къ Байкалу, вверхъ по Иркуту, Бѣлой, Кудѣ (гдѣ залегаетъ черноземъ) и параллельнымъ къ ней притокомъ Ангары отъ Верхоленска и ближайшимъ къ Верхоленску притокамъ Лены. „Отъ Иркутска до Верхоленска, говоритъ Избрандесъ, видѣлъ, хлѣба довольно родится, русскихъ дворовъ тамъ находится множество, и отъ пашней и богатство наживаютъ и, кромѣ пашни, ничѣмъ не занимаются". Въ связи съ рыболовствомъ на Байкалѣ, деревни отмѣчены на о. Ольхонѣ и на мѣстѣ выхода Ангары изъ Байкала. Въ уѣздѣ Илимскомъ и во всемъ Забайкальѣ въ концѣ XVII в. не было ни одного крупнаго русскаго земледѣльческаго поселенія — все только остроги, хотя Избрандесъ говоритъ, что въ окрестностяхъ Нерчинска живутъ „разные дворяне и казаки, которые пашнею, рыбною ловлею и скотиной промышляютъ". Какъ извѣстно, прочная земледѣльческая колонизація въ Нерчинскомъ уѣздѣ въ XVII в. не удалась, и всѣ служилые люди въ Забайкальѣ питались хлѣбомъ, привозимымъ изъ-за „моря", „заморскимъ". Спаѳарій и Избрандесъ отмѣчаютъ безлюдность и крайне скудное русское населеніе Забайкалья. Въ Якутскомъ уѣздѣ на „Чертежѣ" Ремезова показаны одни только остроги. Одно „Описаніе" Сибири 1683 г. говоритъ, что по Ленѣ и ея притокамъ „русскихъ людей и пашенныхъ на малѣ". Итакъ, въ концѣ XVII в. мы наблюдаемъ тотъ же хахактеръ колонизаціоннаго процесса, что и въ концѣ предыдущаго: колонизація движется по рѣкамъ; но явился уже

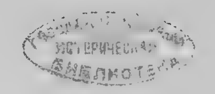
новый и наиболѣе надежный ея факторъ — землeдѣлецъ. Словно красные и бѣлые кровяные шарики въ организмѣ, разносящіе жизненное начало по всѣмъ мельчайшимъ капиллярамъ, „пашенные люди“ располагались сначала по большимъ рѣкамъ земледѣльческой полосы Сибири, потомъ по ихъ притокамъ, наконецъ, добиралась и до крохотныхъ рѣчекъ, всюду разнося жизнь и трудъ. Еще и теперь въ Сибири мы можемъ наблюдать эту „живую старину“: и теперь, напр., въ Минусинскомъ уѣздѣ, русская земледѣльческая колонизація идетъ вверхъ по Казиру и Кызыру и ихъ притокамъ, все болѣе и болѣе врубаясь въ тайгу. Чѣмъ больше мы приближались лѣтомъ 1892 г. къ глухой вѣковой тайгѣ, тѣмъ чаще встрѣчали заимки, починки въ 2—3 двора, тѣмъ жизнь и обстановка обитателей становилась все болѣе и болѣе свободной отъ культуры и тѣмъ рѣзче бросались въ глаза бытовыя черты русской крестьянской жизни минувшаго времени. Если и теперь эти „черноземные“ колонизаторы, будучи съ извѣстной точки зрѣнія живымъ, ходячимъ отрицаніемъ культуры, все-таки несутъ съ собою жизнь въ глухую тайгу, то, конечно, въ XVII в. они сыграли столь важную, хотя и не бросающуюся въ глаза роль, что ихъ незамѣтная, скромная дѣятельность должна составить почти все содержаніе сибирской исторіи этого столѣтія.

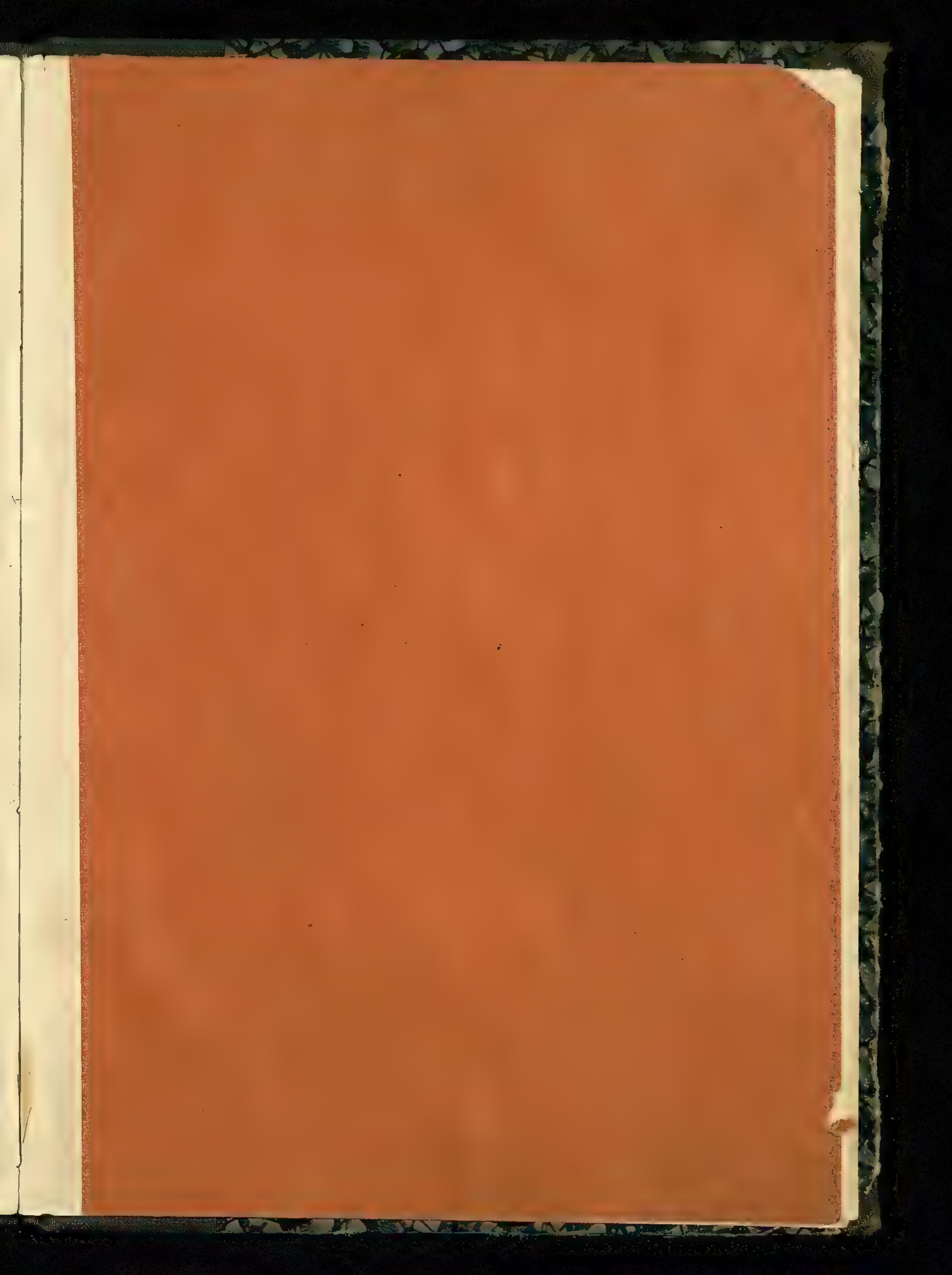
Сравнивая характеръ, мотивы и факторы сибирской колонизаціи въ XVII в. съ заселеніемъ восточной окраины Евр. Россіи (Поволжья) или южной, степной, необходимо признать за ней нѣкоторыя оригинальныя черты. Если колонизація Поволжья и особенно южной, степной окраины была преимущественно правительственной, то сибирская— преимущественно вольно-народной. Колонизаціонный процессъ на югѣ начинался станичными и сторожевыми разъѣздами и заканчивался построеніемъ новыхъ городовъ и селеній; города имѣли военный характеръ, большинство ихъ жителей состояло изъ служилыхъ людей, особенно въ Слободской украйнѣ; они заселялись преимущественно „сведенцами“, а не „сходцами“. Не такъ было въ Сибири: аванпосты землеискателей и промышленниковъ проникали въ самую глубину инородческаго міра; остроги основывались не столько для защиты отъ инородцевъ, сколько для объясачиванія ихъ; въ городахъ преобладали вольные при-

шельцы. Личная иниціатива и предпріимчивость колонизаторовъ въ Сибири стояла на первомъ планѣ. На югѣ система обороны была тѣсно связана съ колонизаціей края, и потому, по справедливому замѣчанію проф. Багалѣя, „великорусскую колонизацію степной окраины можно назвать государственной“. Помѣстная система, принятая въ Поволжьѣ и на югѣ, въ Сибири осталась совершенно неизвѣстной. Наконецъ, сами колонизаціонные элементы Поволжья и степной окраины были отличны отъ сибирскихъ: Поволжье заселялось преимущественно жителями сосѣднихъ областей, нынѣшнихъ Нижегородской, Ярославской и др. губерній, южныя окраины—изъ мѣстностей центральной Россіи, Сибирь же заселялась преимущественно предпріимчивыми и свободолюбивыми обитателями поморскихъ уѣздовъ.

Въ заключеніе, переходя къ болѣе широкимъ, международнымъ сравненіямъ, не трудно подмѣтить существенное отличіе русской колонизаціи Сибири и завоеванія Центральной и Южной Америки испанцами съ одной стороны, а съ другой — занятія сѣверной части американскаго континента представителями англо-саксонской расы. Стремленіе обладать *не заработаннымъ*, даже *не найденнымъ*, а прямо *заграбленнымъ золотомъ*—характерная черта испанской колонизаціи. Примѣненіе силъ природы для осѣдлой жизни въ новой странѣ, повлекшей за собою промышленность и торговлю, приложеніе труда, энергіи, знанія — таковы характерныя черты англійской колонизаціи. Съ одной стороны мы видѣли лѣниваго, алчнаго авантюриста—*конкистадора*, съ другой—энергичнаго, дѣятельнаго, предусмотрительнаго осѣдлаго *работника*. Въ начальномъ періодѣ сибирская колонизація имѣла сходство съ испанской по самымъ побудительнымъ мотивамъ занятія огромной страны (mutatis mutandis—дорогіе мѣха вмѣсто золота), по быстрому выполненію и какому то безумному расточенію естественныхъ богатствъ и отношенію къ ихъ собственникамъ и хранителямъ-инородцамъ. Но, съ другой стороны, въ теченіе даже первыхъ двухъ столѣтій въ Сибири постепенно и незамѣтно народилось способное и энергичное сельское населеніе изъ среды того русскаго крестьянства, которое бѣжало въ новый край, уклоняясь отъ административнаго и крѣпостническаго гнета, чтобы въ новой родинѣ основать новую жизнь по стародавнему народному

обычаю. Эти-то элементы и воспользовались истинными богатствами Сибири—привольемъ ея луговъ, лѣсовъ и рѣкъ, ея нетронутой плодородной почвой и явились продуктами той вольно-народной колонизаціи, которой въ общемъ противодѣйствовало, но которую не могло остановить правительство.

Цѣна 20 к.

